

**«ГРЕЧЕСКОЕ» И «ВАРВАРСКОЕ»
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В «ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД»
(в связи с исследованием погребений
конца VI – первой половины V вв. до н.э. у с. Маяки)**

Как известно, значительный отрезок скифской эпохи — от ее начала и примерно до середины V в. до н.э. — представлен в степях Северного Причерноморья сравнительно небольшим количеством погребальных памятников. Этот факт исследователи объясняют по-разному.

Для периода «Архаической Скифии», наиболее убедительным кажется предположение, высказанное В.Е. Еременко: малое число степных захоронений и их сравнительная с лесостепными бедность свидетельствуют «не столько о пустовании степи, сколько о применении скифами разновидности отгонного скотоводства, при которой в теплый сезон степь использовалась как огромный выпас, а с наступлением холодов скот отгонялся на «зимние квартиры» — в Прикубанье и лесостепное Приднепровье» (Еременко 1997: 596).¹ Существующее в историографии деление «Старой Скифии» на «степную» и «лесостепную» детерминировано, скорее, нынешней географической зональностью, нежели реальными резкими различиями между памятниками скифского типа двух природных зон. Достаточных оснований для утверждения, что в архаическое время кочевнический мир Европейской Скифии был разделен подобным об-

разом, нет. Более того, сомнительно совпадение современных степи и лесостепи с территорией этих зон в эпоху поздней бронзы – раннего железа.²

О проблемах, связанных с определением времени перехода от раннескифского к среднескифскому этапу, от «архаики» к «классике», не раз говорилось в литературе (Полін 1987: 27; Алексеев 2003: 154-157). Условная хронологическая граница между «архаической» и «классической» Скифиями была проведена через середину VI столетия до н.э. Анализ археологических материалов Северного Причерноморья и письменных источников, сопоставление памятников западной и восточной частей кочевнического мира Евразии позволили Ю.А. Алексееву конкретизировать временные рамки «переходного периода» — последние десятилетия VI – начало V в. до н.э. (Алексеев 2003: 27). «Рубеж, разделяющий две скифские культуры», — последнюю треть VI в. до н.э., — петербургский скифолог соотносит с масштабными перемещениями в кочевническом мире Азии, одним из направлений которых было западное (Алексеев 1992: 107-109; он же 2003: 182). Причину, вызвавшую разнонаправленные миграции, исследователи

¹ Ту же систему «лесостепь – степь» можно предположить и в западных районах Скифии — в поречьях Днестра и Прута, у номадов Западно-Подольской группы.

² В днепровском Правобережье, по выводам почвоведов, в предскифский период и какое-то время спустя (по крайней мере, на широте Чернолесского городища) «лес, вероятнее всего, находился еще в оврагах, местность сохраняла степной характер» (Тереножкин 1961: 14). Интересно, что зона современной правобережной лесостепи была пригодна для кочевий и в средние века (черные клубуки).

Восстановление степи на местах лесов в раннескифское время предполагается и для территории Северо-Западного Кавказа (Алексеев 2003: 192, сн.152).

видят в военной активности Персии (Марсадолов 1985: 10-11; Дашковский 1999: 73-74). Ю.А. Алексеев считает, что на судьбу Европейской Скифии повлияли события на северо-восточных границах персидского царства, в частности, поход Кира II, пусть и неудачный для Ахеменидов. Следующими толчками послужили походы против саков (ок. 519 г. до н.э.) и на Северный Кавказ (Алексеев 1992: 111; он же 2003: 162-164, 190). Впрочем, возможно, движение кочевого мира, в том числе и ориентированное на запад, началось еще раньше.³

Гипотеза о неоднократном «выплеске» (даже непрямом, а не единожды опосредованном) номадов из Азиатской в Европейскую Скифию, в какой-то степени, объясняет персидскую кампанию в Северное Причерноморье (становится понятнее, против каких «скифов» выступило войско Дария)⁴ и стремление скифов отомстить персам — поход до Херсонеса Фракийского (Herod. VI, 40).

Вместе с тем, несмотря на предполагаемый приток с востока, на протяжении второй половины VI — начала V вв. до н.э. причерноморские степи оставались все ещё малозаселенными — количество памятников «переходного периода» невелико. Не является исключением и Нижнее Поднестровье, где погребения второй половины VI — первой половины V в. до н.э. известны, можно сказать, наперечет. «Переходный» период в истории региона особенно интересен, так как во второй половине VI столетия в низовьях Тира-

са были основаны Никокий и Тира, и с этого времени Нижнее Поднестровье являлось зоной непосредственных и активных контактов эллинов и кочевников. Археологических материалов (как античных, так и «скифских»), восходящих к раннему этапу греко-варварских взаимоотношений, известно немного, и каждое новое открытие, естественно, привлекает внимание, тем более, если открытие совершается на памятниках, на которых ведутся многолетние работы и где неожиданностей, казалось бы, быть не должно. Именно «нечаянные» находки порой позволяют взглянуть на устоявшуюся, уже привычную картину немного в другом ракурсе. Одним из таких неординарных памятников «с сюрпризами», безусловно, является археологический комплекс Маяки в Беляевском р-не Одесской области.⁵ В 2006 г. здесь были исследованы два уникальных для низовьев Днестра грунтовых погребения конца VI — начала V в. до н.э., а в 200 м от них в следующем году еще и грунтовое погребение первой половины V в. до н.э. (Петренко, Носова 2007–2008). И если для первых двух комплексов допустима различная интерпретация, то атрибуция объекта 2007 года (по отчету — погребение Г2) однозначна: это погребение — скифское (фото) .

Погребение Г2 было обнаружено на глубине около 0,35 м от современной поверхности. Удалось проследить участки дна и внешних контуров погребальной ямы, маркированные пятнами буровато-серой органики, которая находилась в

³ Д.Г. Савинов первый этап пазырыкской культуры синхронизирует с созданием (550 г. до н.э.), а второй — с усилением Ахеменидской державы (Дашковский 1999: 74).

⁴ Наивно было бы полагать, что Дарий, готовясь к военной операции в Северо-Западном Причерноморье, руководствовался исключительно желанием «наказать скифов за вторжение в Мидию и за то, что скифы, победив своих противников-мидян, первыми нарушили мир» (Herod. VI, 1).

⁵ См. статью В.Г. Петренко и Э. Кайзер в этом же выпуске МАСП'а.

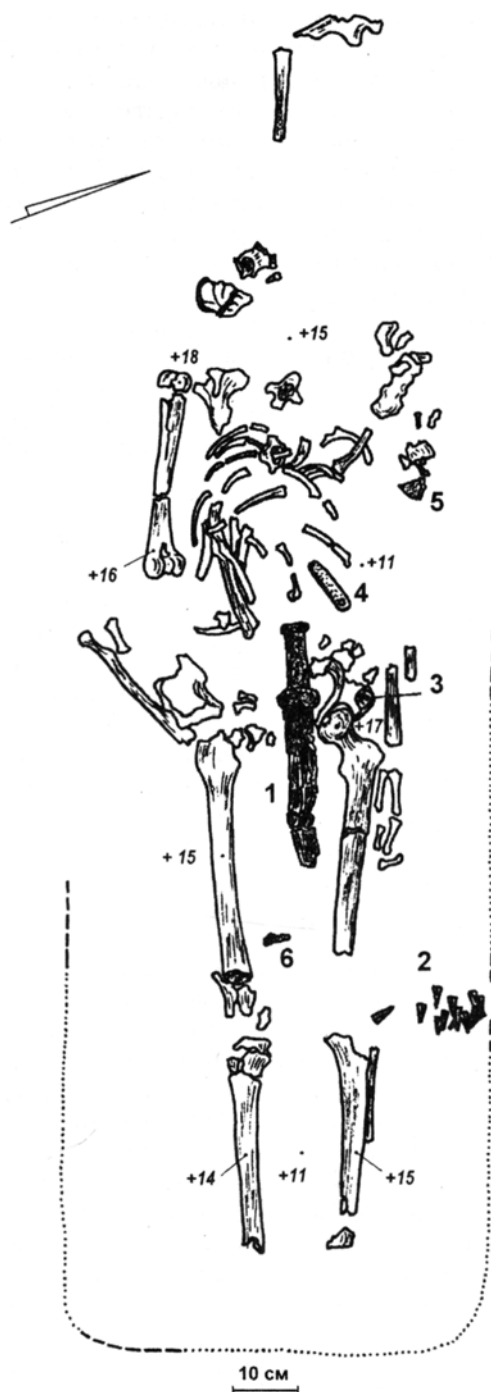

Рис. 1. План погребения Г2 у с. Маяки:
 1 — железный кинжал; 2 — бронзовые наконечники стрел;
 3 — бронзовая ворворка;
 4 — каменный оселок; 5 — фрагмент гончарного сосуда,
 6 — фрагмент лепного сосуда

данном захоронении (погребальная подстилка?). Яма, предположительно, была прямоугольная, шириной около 0,65 м, длиной не менее 1,7 м.

На сохранности захоронения отрицательно сказалась его близость к поверхности. Современные перекопы привнесли в слой, вмещающий комплекс Г2, черепки гончарных изделий нового времени и, возможно, одновременно фрагмент толстостенного сероглиняного античного сосуда закрытого типа. Перекопами разрушено и изголовье погребения — на месте остались лишь фрагменты черепа. По сохранившимся костным остаткам установлено, что скелет принадлежал молодому мужчине (возрастная группа *Adultus*)⁶. Человек был погребен на спине, вытянуто, головой на запад — северо-запад (рис.1). По сопроводительному инвентарю это захоронение можно отнести к «воинским», в пользу чего свидетельствуют найденные там наконечники стрел и железный короткий акинак (далее — кинжал⁷). Бронзовые наконечники, лежавшие около левого колена погребенного, видимо, составляли колчаный набор (во втулках сохранились остатки древков). Меч был уложен так, чтобы рукоять налегла на живот, а клинок оказался между бедер, ближе к левому. Такое расположение было не результатом, как иногда предполагают, смещения лежавшего наискось кинжала, а преднамеренным, что, возможно, обусловлено фаллической символикой клинкового оружия. На тазовых костях, правее перекрестья кинжала, обнаружена бронзовая ворворка. В нижней части грудной клетки, также справа, найден каменный оселок.

Погребальный инвентарь

1. Двулезвийный железный кин-

жал, — длина около 40,5 см, — по морфологическим признакам относится к типу 2 отдела I, по классификации А.И. Мелюковой — мечи и кинжалы с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием (рис.2, 1а-б).

Из-за плохой сохранности акинака судить со стопроцентной уверенностью о технике его изготовления и последовательности некоторых операций невозможно. Двулезвийный клинок и стержень рукояти, очевидно, выкованы из одного куска металла. Рукоять сделана в виде бруска, подпрямоугольного в поперечном сечении. На одном из ребер рукояти, на фасной поверхности, сохранился участок бортика. Небольшая толщина рукояти указывает на то, что металл должен был чем-то дополнительно покрыт. Вероятнее всего, рукоять была обмотана ремнем. Лезвия клинка на большей части его длины почти параллельны, в последней трети длины — плавно сходятся к острию. От перекрестья и примерно до середины длины клинок ромбовидный в поперечном сечении. Ниже расковка на два ската не прослеживается, поперечное сечение линзовидное.

Что касается напускного и приваренного перекрестья, неясно — сделано оно из двух фигурных пластин или же одну вырубленную из железной пластины заготовку в форме развернутого перекрестия согнули пополам, надели на верхнюю часть клинка и сварили кузнечным способом. Более вероятным кажется первый вариант. Брусковидное навершие имеет округленные торцы и сглаженные ребра. Его длина лишь немного превышает ширину стержня рукояти. Судя по расслоению на две равные половины, изначально навершие вряд ли представ-

⁶ Определение К.С. Липатова.

⁷ Следуя принятому разделению скифских акинаков на мечи и кинжалы в зависимости от метрических характеристик клинкового оружия (Мелюкова 1964: 46).

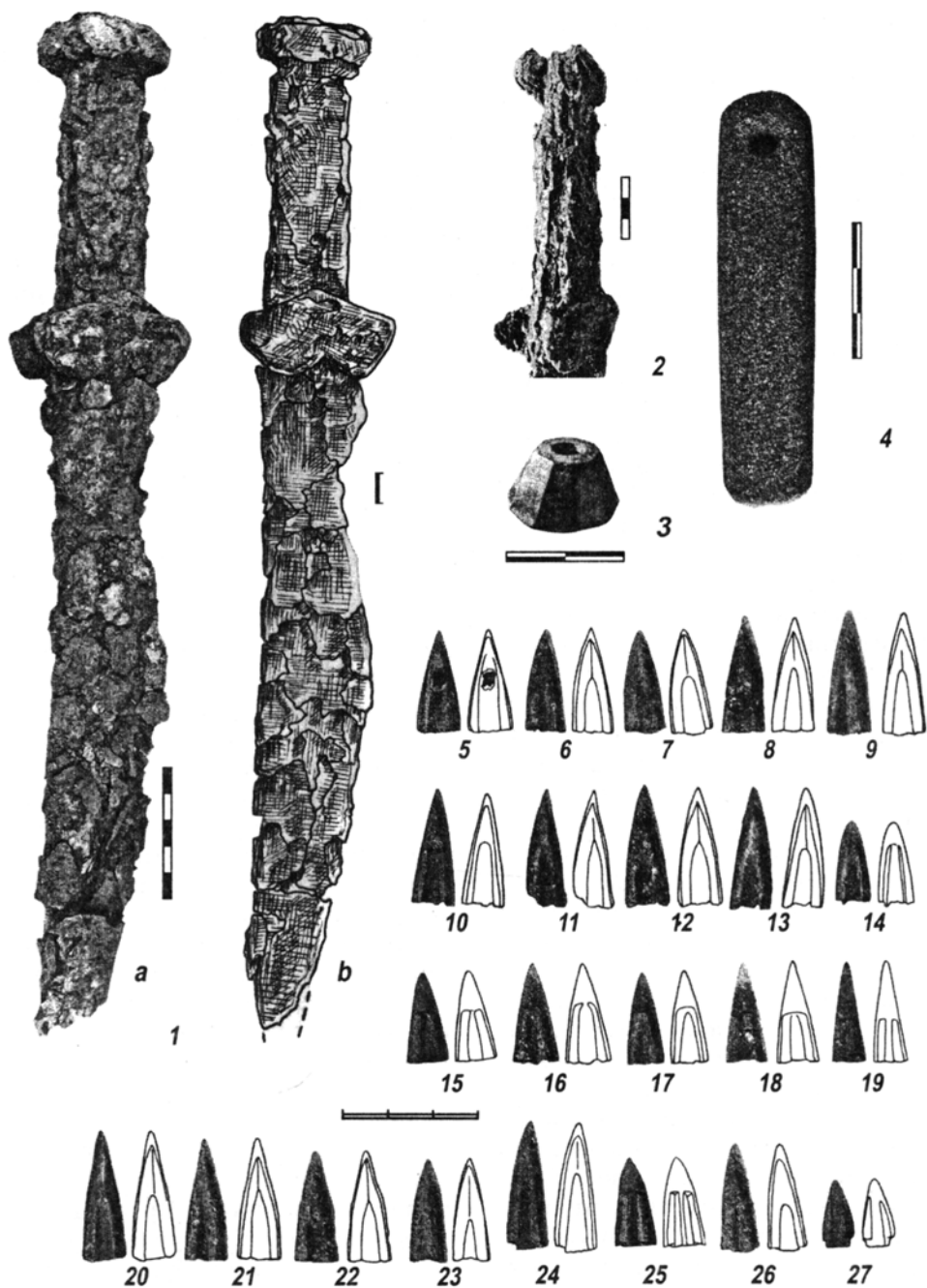

Рис. 2. Инвентарь погребения Г2 у с. Маяки:
 железный кинжал (1а — фото; 1б — прорисовка *in situ*;
 2 — рукоять сбоку, фото),
 бронзовая ворворка (3), каменный оселок (4)
 и бронзовые наконечники стрел (5-27).

ляло собой цельный брусок с пробитым по центру отверстием, который затем был надет на штырь в верхней части рукояти. Вероятнее, что навершие состояло из двух частей, наваренных на оттянутый и слегка расклепанный верх рукояти (рис. 2, 2).

Перекрестье «бабочковидное», но форма, лежащая в основе типологии, в данном случае выражена не ярко: выступ в верхней части перекрестия («голова бабочки») невысокий; концы «крыльев» округлены.

По очертаниям перекрестие маякского кинжала напоминает перекрестия более ранних мечей.⁸ Ближайшие же аналогии оружию из Маяк (по морфологии, размерам, датировке и району находки) давно известны в Днестро-Прутском междуречье. Это кинжал из скифского грунтового погребения у с. Суручены и случайно найденный экземпляр из района Оргеева (современная Молдавия). Для наглядности метрические данные всех трех находок сведены в таблицу.

Таблица

МЕТРИЧЕСКАЕ ДАННЫЕ СКИФСКИХ КИНЖАЛОВ

Параметры, см		Маяки	Оргеев	Суручены
Рукоять	Длина	≈ 9,0	9,6	9,0
	Ширина у навершия	≈ 2,9	2,7	2,7
	Толщина		0,9	0,9
Навершие	Длина	≈ 4,3	5,0	≈ 4,4
	Ширина	≈ 1,7		
	Толщина		1,4	≈ 1,3
Перекрестье	Длина	≈ 6	6,2	5,8
	Ширина	≈ 2,7	2,2	2,7
Клинок	Длина	≈ 27,6		
	Ширина у перекрестья	≈ 4,0	4,3	
Общая длина		≈ 40,5	40,5	39,5

Г.П. Сергеев, опубликовавший более 40 лет назад оба кинжала из Молдавии, датировал их примерно серединой V в. до н.э. (Сергеев 1961; Лапушнян 1979: 115, рис. 42, 2). В последних работах датировка погребения у с. Суручены значительно понизилась — вторая половина VI — начало V в. до н.э. (Бруяко 2005: 160). Маякский экземпляр можно отнести к началу — первой половине V в. до н.э.

2. Бронзовые трехлопастные на-

конечники стрел. Всего обнаружено 23 наконечника (рис. 2, 5-27). Двадцать экземпляров, характеристика которых приводится ниже в первую очередь, относятся к категории базисных. Наконечники этого типа появляются и господствуют во втором хронологическом периоде, то есть во второй половине VI — первой половине V вв. до н.э., согласно периодизации А.И. Мелюковой (1964: 16-17).

1) Наконечник со сводчатой в плане головкой (рис. 2, 5). Высота 22,7 мм. Углубления на лопастях выражены в нижней части головки, в верхней — почти сходят на нет. Выделенная ими внутренняя втулка прослеживается почти до вершины наконечника. Две лопасти срезаны вровень с основанием втулки, под прямым углом к ней.

⁸ Например, оружие из погребений Глийского и Самтаврского могильников (Ильинская, Тереножкин 1983: 28-32, рис.; Шрамко 1984: 31-33, рис. 4, 7), перекрестие меча из Днепропетровского музея. Косвенное подтверждение кавказского происхождения акинака и «севрокавказского происхождения» кочевнической волны середины — второй половины VI в. до н.э.?

Срезанный под тупым углом конец третьей лопасти приподнимается чуть выше основания втулки. Тип: отдел II, тип 5 (Мелюкова 1964); отдел I, тип II, вариант 1 (Петренко 1967).

2) Наконечник со сводчатой в плане головкой (рис.2, 6). Высота 23,5 мм. Выраженные углубления на лопастях подчеркивают внутреннюю втулку, доходящую до 2/3 высоты наконечника. Две лопасти срезаны почти под прямым углом к основанию втулки. Третья — лопасть чуть длиннее, ее более острый конец выступает чуть ниже основания втулки. Тип: отдел II, тип 5, вариант 1 (Мелюкова 1964); отдел II, тип II, вариант 1 (Петренко 1967).

3) Наконечник аналогичен экземпляру, описанному выше (№ 2) (рис.2, 7). Высота 23,2 мм. Похоже, оба наконечника отлиты по одной и той же форме.

4) Наконечник со сводчатой в плане головкой (рис.2, 8). Высота 26 мм. Выраженные углубления на лопастях подчеркивают внутреннюю втулку, доходящую до 1/2 высоты наконечника. Две лопасти срезаны под прямым углом к основанию втулки вровень с ней, более острый конец третьей — выступает чуть ниже основания втулки. Тип: отдел II, тип 5, вариант 9 (Мелюкова 1964); отдел II, тип II, вариант 1 (Петренко 1967).

5) Наконечник со слегка сводчатой в плане головкой (рис.2, 9). Высота 28,1 мм. Выраженные углубления на лопастях подчеркивают внутреннюю втулку, доходящую до 1/2 высоты наконечника. По середине выступающих между лопастями частей втулки проходит рельефный вертикальный рубчик. Лопасты срезаны под тупым углом к основанию втулки. Тип: отдел II, тип 5, вариант 9 (Мелюкова 1964); отдел II, тип II, вариант 1 (Петренко 1967).

6) Наконечник со слегка сводчатой в плане головкой (рис.2, 10). Высота 25,5 мм. Нижняя часть внутренней втулки четко выделена углублениями на лопастях, менее выражена в рельефе верхняя граница втулки. Две лопасти срезаны вровень с основанием втулки; конец третьей выступает за основание втулки и срезан под острым углом к ней. Тип: отдел II, тип 5, вариант 9 (Мелюкова 1964); отдел II, тип II, вариант 1 (Петренко 1967).

7) Наконечник со слегка сводчатой в плане головкой (рис.2, 11). Высота 26 мм. Углубления на лопастях подчеркивают внутреннюю втулку, доходящую почти до 2/3 высоты наконечника. По середине выступающих между лопастями частей втулки проходят рельефные вертикальные рубчики. Гребень рубчиков уплощенный, за счет чего основание втулки (по внешней поверхности) в плане похоже на девятигранник. Две лопасти обрезаны вровень с основанием; скругленный, как у наконечников с остролистной в плане головкой, конец третьей приподнят чуть выше основания втулки. Тип: отдел II, тип 5, вариант 9 (Мелюкова 1964); отдел II, тип II, вариант 1 (Петренко 1967).

8) Наконечник со слегка сводчатой в плане головкой (рис.2, 12). Высота 27 мм. Углубления на лопастях подчеркивают внутреннюю втулку, доходящую до 1/2 высоты наконечника. Концы лопастей, выступающие чуть ниже основания втулки, срезаны под острым углом к ней. Тип: отдел II, тип 5, вариант 9 (Мелюкова 1964); отдел II, тип II, вариант 1 (Петренко 1967: табл.34, №144).

9) Наконечник со слегка сводчатой в плане головкой (рис.2, 13). Высота 27 мм. Дуговидный изгиб лопастей выражен ещё меньше, чем на предыдущем наконечнике. Поэтому, при равной с наконечником №8 высоте и ширине основания, описываемый экземпляр визуальнее более стройных пропорций. Концы лопастей немного выступают за основание втулки и срезаны под прямым углом к ней. Тип: отдел II, тип 5, вариант 9 (Мелюкова 1964); отдел II, тип II, вариант 1 (Петренко 1967).

Шесть базисных наконечников (№№ 10–15) имеют пирамидальную, трехгранную, в верхней части головку. Лопасты и внутренняя

втулка выделены лишь в нижней части наконечника с помощью вырезанных в гранях пирамиды углублений различной формы.

10) Наконечник со слегка сводчатой в плане головкой (рис.2, 14). Высота 18 мм. На каждой грани вырезаны по две узкие вертикальные бороздки, смыкающиеся дугой на 3/4 высоты наконечника и подчеркивающие внутреннюю втулку. Лопасты сре-

заны вровень с основанием головки. Тип: отдел II, тип 5, вариант 6 (Мелюкова 1964); отдел II, тип II, вариант 4 (Петренко 1967: табл.34, №172).

11) Наконечник со слегка сводчатой в плане головкой (рис.2, 15). Высота 21 мм. На каждой грани — до $2/3$ высоты наконечника — вырезаны по две почти смыкающиеся сверху, довольно широкие бороздки. Образуя на грани трапецевидный вырез, они подчеркивают внутреннюю втулку и формируют из ребер пирамиды лопасти. Лопасты срезаны вровень с основанием наконечника. Тип: отдел II, тип 5, вариант 6 (Мелюкова 1964); отдел II, тип II, вариант 4 (Петренко 1967: табл.34, №169).

12) Наконечник с треугольной в плане головкой (рис.2, 16). Высота 23 мм. На каждой грани — до $2/3$ высоты наконечника — вырезаны по две вертикальные довольно широкие бороздки, подчеркивающие внутреннюю втулку и формирующие из ребер пирамиды лопасти. Верхние концы бороздок, дугообразно изогнутые по направлению друг к другу, смыкаются. Лопасты наконечника срезаны вровень с его основанием. Тип: отдел II, тип 5, вариант 6 (Мелюкова 1964); отдел II, тип III, вариант 5 (Петренко 1967: табл.34).

13) Наконечник с треугольной в плане головкой (рис.2, 17). Высота 21 мм. Смыкающиеся на $2/3$ высоты бороздки подчеркивают внутреннюю втулку и формируют из ребер пирамиды лопасти. Лопасты срезаны вровень с основанием наконечника. Тип: отдел II, тип 5, вариант 6 (Мелюкова 1964); отдел II, тип III, вариант 5 (Петренко 1967: табл.34).

14) Наконечник с треугольной в плане головкой (рис.2, 18). Высота 23,2 мм. По две почти смыкающиеся на $1/2$ высоты наконечника довольно широкие бороздки образуют на гранях головки трапецевидный вырез, который подчеркивает внутреннюю втулку и формирует из ребер пирамиды лопасти. Лопасты срезаны вровень с основанием наконечника. Тип: отдел II, тип 5, вариант 6 (Мелюкова 1964); отдел II, тип III, вариант 5 (Петренко 1967: табл.34).

15) Наконечник с треугольной в плане головкой (рис.2, 19). Высота 23,5 мм. Аналогичен №14.

С базисными наконечниками 5-го типа, по мнению А.И. Мелюковой, связаны по происхождению наконечники стрел с «башнеобразной» головкой — тип 9 согласно классификации исследовательницы. Наконечника этого типа появляются в комплексах второго хронологического периода. Морфологические особенности: скрытая втулка; лопа-

сти, преломляющиеся в верхней части под тупым углом и резко сужающиеся к вершине. Среди наконечников, найденных в Маяках, 5 экземпляров можно отнести к 9-му типу или даже, скорее, к промежуточному между типом 5 и типом 9 варианту, так как угол преломления на ребрах выражен слабо (№№ 16–20).

16) Наконечник «промежуточного типа» (рис.2, 20). Высота 29,1 мм. Примерно на $1/2$ высоты головки лопасти резко сужаются к вершине, угол преломления на ребрах лопастей сглажен. Выраженные углубления на лопастях подчеркивают внутреннюю втулку. На ее выступающих между лопастями частях — рельефное вертикальное ребро, из-за чего основание втулки имеет подтреугольную в плане форму. Концы двух лопастей обрезаны вровень с основанием; срезанный под тупым углом конец третьей поднят чуть выше основания втулки. Тип: отдел II, тип 9, вариант 1 (Мелюкова 1964); отдел II, тип I (Петренко 1967: табл.34).

17) Наконечник с «башнеобразной» головкой (рис.2, 21). Высота 27,4 мм. Концы лопастей выступают чуть ниже основания втулки, обрезаны под прямым углом. В остальном — подобен №16. Тип: отдел II, тип 9, вариант 1 (Мелюкова 1964); отдел II, тип I (Петренко 1967: табл.34).

18) Наконечник с «башнеобразной» головкой (рис.2, 22). Высота 24,8 мм. Ребра лопастей преломляются примерно на середине высоты головки, угол преломления выражен сильнее, чем у двух предыдущих экземпляров. Внутренняя втулка, очерченная углублениями на лопастях, по наружной выступающей поверхности имеет стрелчатую форму и доходит до ? высоты наконечника. Вертикальные рубчики на втулке в рельефе почти не видны. Концы лопастей немного выступают за основание втулки и

срезаны под прямым углом к ней. Тип: отдел II, тип 9, вариант 1 (Мелюкова 1964); отдел II, тип I (Петренко 1967: табл.34).

19) Наконечник с «башнеобразной» головкой (рис.2, 23). Высота наконечника 23 мм. В верхней части (примерно на 3/4 высоты наконечника) ребра лопастей преломляются, угол преломления выражен слабо. Внутренняя втулка, очерченная углублениям на лопастях, по наружной выступающей поверхности едва достигает 1/2 высоты наконечника. По сравнению с другими наконечниками примерно такой же высоты, у описываемого экземпляра более короткая, меньшего диаметра втулка и соответственно более широкие лопасти, острые концы которых опускаются ниже основания втулки. Тип: отдел II, тип 9, вариант 1 (Мелюкова 1964); отдел II, тип I (Петренко 1967: табл.34).

20) Опорно-втульчатый наконечник со сводчатой головкой (рис.2, 24). Высота наконечника 29,4 мм, высота головки 28 мм. Части втулки между лопастями имеют вертикальную «огранку» (поперечное сечение — 9-сторонний многоугольник). Концы лопастей обрезаны под тупым углом. По сравнению с высотой наконечника, выступающая часть втулки столь коротка и неровно обрезана, что наконечник можно, равным образом, отнести к базисным. Излом на лопастях, придающий головке «башнеобразность», отсутствует, однако по пропорциям и очертаниям описываемый экземпляр более всего похож на наконечник 9-го типа варианта 4 по классификации А.И. Мелюковой; по типологии В.Г. Петренко: отдел I, тип 3, вариант 2.

Наконечники №№ 21–23 могут быть отнесены к опорно-втульчатым.

21) Наконечник со сводчатой головкой и очень короткой втулкой (рис.2, 25). Высота наконечника 20,4 мм. По два вертикальных, трапециевидных в плане, углубления на каждой грани формируют лопасти и отделяют их от втулки. Острие головки трехгранное. Концы лопастей срезаны под острым углом. Тип: отдел II, тип 7, вариант 5 (Мелюкова 1964); отдел I, тип 3, вариант 4 (Петренко 1967: табл.34).

22) Наконечник с «башнеобразной» головкой и короткой втулкой (рис.2, 26). Высота наконечника 24 мм, высота головки 22,5 мм. «Башнеобразность» головке придает вогнутость ребер лопастей в нижней половине наконечника. Выраженные углубления на лопастях подчеркивают втулку. По середине ее выступающих между лопастями частей проходят выпуклые вертикальные ребра. За счет этого по внешней поверхности втулка имеет форму трехгранной пирамиды и поперечное сечение в виде равно-стороннего треугольника. Концы лопастей обрезаны под прямым углом к втулке. Тип: отдел II, тип 10, вариант 12 (Мелюкова 1964); отдел I, тип 2 (Петренко 1967: табл.34).

23) Наконечник со сводчатой головкой и короткой втулкой (рис.2, 27). Высота наконечника 15,5 мм, высота головки 13 мм. На каждой грани от основания головки к ее острию идут, отделяя втулку от лопастей, по две вертикальные бороздки. Клиновидные в плане, они постепенно сужаются и исчезают, не достигая вершины наконечника. Острие головки трехгранное. Лопастей срезаны под прямым углом к втулке. Тип: отдел II, тип 7, наиболее похож вариант 2 (Мелюкова 1964); отдел I, тип 3, вариант 4 (Петренко 1967: табл.34, № 47).

Колчаный набор из Маяк типологически близок наконечникам стрел, найденным у с. Суручены и в погребениях исследованного в бассейне Днестра могильника Данчены (рис.5, 2-18).

3. *Бронзовая ворворка* (рис.2, 3). Высота 12,7 мм. Ширина основания 24,5 мм. Ширина верхней плоскости 13,5 мм. Литье.

Полая внутри, ворворка по внешней поверхности имеет форму усеченной десятигранной пирамиды, по внутренней — усеченного кону-

са. Стенки тонкие. Круглое отверстие на перекрывающей вершину «пирамиды» плоскости смещено относительно центра. Ворворки с такими признаками выделены как вариант типа 1 в классификации В.Г. Петренко (1967: 41, табл.32, 9-14). Маякский экземпляр подобен ворворке с 6-гранным туловом из кургана 409 у с. Журовка (Петренко 1967: табл.32, 12) и, что более показательно, — восьмигранной ворворке (рис.5, 14) из погребения 180 памятника Данчены (Лапушнян

1979: 18, рис.6, 21). Если для памятника днепровского Правобережья предлагается дата V и даже IV век до н.э. (Петренко 1967: 95-96; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 163), то погребение в Молдавии, по мнению исследователей, восходит к концу VI – началу V вв. до н.э. (Левинский 2005-2009: 166) или к еще более раннему времени — первой половине VI в. до н.э. (Брумяк 2005: 169).

По наблюдениям В.Г. Петренко, в отличие от ворворок в форме усеченного конуса, ворворки с граненой боковой поверхностью встречаются только в составе узды. Расценивать маякскую находку как деталь узды вряд ли есть основания, так как никаких других частей конской упряжи не обнаружено, а сама ворворка лежала в области левого тазобедренного сустава скелета, недалеко от акинака. Можно предположить, что в данном случае ворворка являлась деталью портупей (например, использовалась для крепления кинжала или колчана к поясу) или была принадлежностью одежды.

4. *Каменный оселок* (рис.2, 4). Длина 8,3 см; ширина 1,9 см; толщина 1,75 см. Оселок изготовлен из неместной осадочной породы. Его верхняя часть имеет форму параллелепипеда со слегка выпуклыми боковыми и плоскими фасадными гранями; в нижней части оселок круглый в поперечном сечении. В верхнем округленном конце просверлено отверстие для подвешивания. Нижний торец не обработан. На одной фасадной грани есть выщерблены. На ребрах просматриваются поперечные борозды; на обеих фасадных гранях хорошо видны неглубокие продольные бороздки. Первые могли образоваться, когда оселком что-то точили (например, кинжал). Продольные следы остались при заточке об оселок, при этом оселок держали за верхушку

в левой руке, а затачиваемый предмет — в правой. Это предположение подтверждает одинаковое расположение следов утилизации на обеих фасадных плоскостях — в левой части нижней половины. Судя по тонкости бороздок, вероятнее всего, они остались от заточки наконечников стрел.

Итак, по комплексу инвентаря погребение Г2 можно отнести к началу — первой половине V в. до н.э.

Погребение Г2 перекрыло, возможно, непосредственно связанный с этим скифским захоронением объект Г3 — яму с лежавшим на дне неполным человеческим черепом (рис.3, 1-2). Контур ямы четко фиксировался с глубины 0,38-0,40 м и имел форму овала (ширина — 0,62 м; длина — не менее 0,8 м, но точно не установлена, так как с юго-западной стороны яму нарушил перекоп), вытянутого по длинной оси в направлении юго-запад — северо-восток. За счет небольшого откоса стен, ко дну яма сужалась до 0,55 м. Глубина ямы от уровня обнаружения пятна — 0,16 м; дно горизонтальное, достигающее до материкового суглинка. Заполнение тоже суглинистое, желтовато-серое, менее плотное, чем вмещающая порода. Обнаруженный в яме Г3 череп принадлежал субъекту мужского пола, зрелого возраста (возрастная группа *Maturus*)⁹. Череп лежал по центру ямы, под наклоном на левую сторону, теменем к юго-западу, лицевой частью, соответственно, на северо-запад. Сохранность черепа хорошая, но нижняя челюсть отсутствовала; не обнаружены и шейные позвонки, что наводит на предположение о каких-то особых обстоятельствах и мотивах данного захоронения (вторичное погребение, жертва, захоронение старого военного «трофея» и т.п.).

⁹ Определение К.С. Липатова.

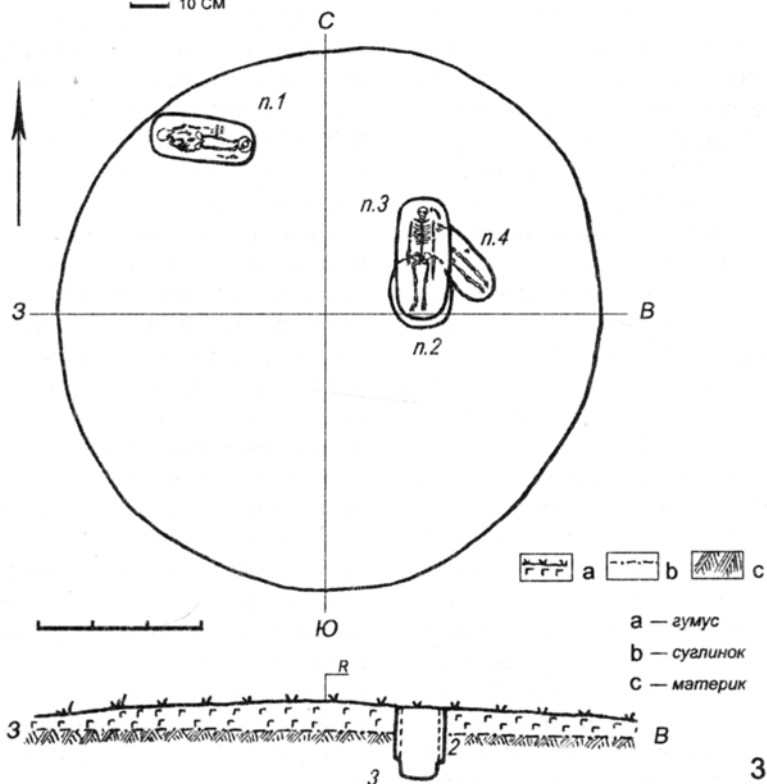
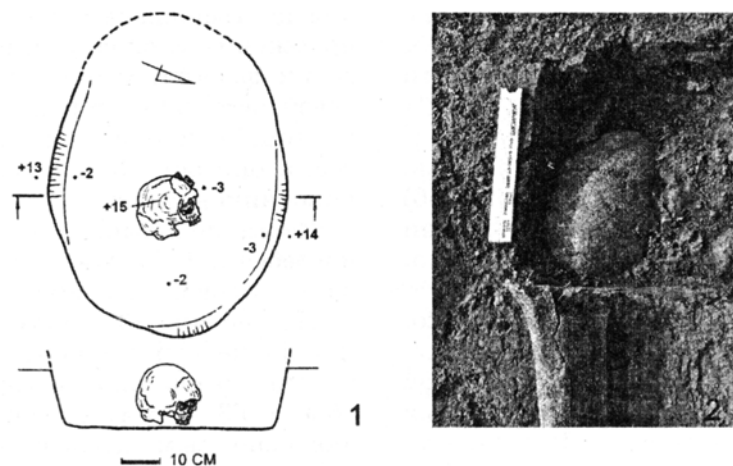

Рис.3. Памятник Маяки:

1 — план и разрез погребения ГЗ;

2 — начальный этап расчистки погребения ГЗ (фото);

3 — план и профиль кургана № 2 (по материалам отчета Э.Ф. Патоковой и К.В. Зиньковского).

Не исключено, что объект ГЗ являлся ботросом, своеобразной жертвенной ямой, предварявшей скифское воинское захоронение.¹⁰

* * *

Публикуемый комплекс Г2 — не единственное скифское погребение V века, открытое в Маяках. Захоронение скифа было обнаружено здесь еще в 1975 году; условно объект маркировали как погребение 1, впускное в усатовский (?) курган 2 (Патокова, Зиньковский 1976). Однако признаки курганов в рельефе на том участке не читались; а в результате раскопок не были обнаружены и кольцевые рвы — единственный, по мнению нынешнего исследователя энеолитического памятника В.Г. Петренко, верный признак подкурганых захоронений усатовской культуры в Маяках.¹¹ Как курганы в данном случае интерпретировали обособленные скопления могильных пятен, выявленные под черноземом после контрольной проходки скрепера («курганы» №№ 2–3).

Предположительно, могила скифа была впущена в полу кургана (рис.3, 3), центральное усатовское (?) погребение (№2) которого было разрушено захоронением сармата (№3), *перерезавшим* (!) еще одно погребение (№4), с точки зрения авторов раскопок, также сарматское. Комплексы №№ 3-4 датировали позднесарматским временем (Па-

токова, Дзиговский, Зиньковский 1982: 132-133, рис.1, 1-6, 135). Настораживает, однако, нетипичный факт «накладки» близких по времени сарматских погребений. Датированные погребение № 4 материалы (грибовидное пряслице и фрагменты стенок светлоглиняной амфоры) обнаружили в «засыпке ямы» (Патокова, Дзиговский, Зиньковский 1982: 132), так что существует вероятность их попадания в заполнение при сооружении могилы № 3. Судя по сохранившимся *in situ* в п.4 костям ног, скелет лежал вытянуто на спине, черепом на северо-запад. Не исключено, что этот комплекс синхронен скифскому погребению 1, которое отнесли к категории «воинских» одиночных погребений и датировали началом IV в. до н.э. (Субботин, Охотников 1981: 106) или первой половиной (второй четвертью) — серединой V в. до н.э. (Бруяко 2005: 160). Уверенности, что все эти захоронения — и скифское, и сарматские — были впущены *именно в курган*, абсолютно нет.

Открытое в 2007 г. погребение Г2 является вторым, которое можно без колебаний определить как скифское. Это меняет интерпретацию комплекса 1975 года как одиночного и позволяет говорить о группе скифских воинских погребений первой половины (или даже второй трети) — середины V в. до н.э.¹²

Датировка «воинского» комплек-

¹⁰ В противном случае культурно-хронологическая атрибуция комплекса ГЗ становится спорной (бронзовый век?). По условиям могильника Маяки, состояние краниологической находки в яме ГЗ соответствует именно поздним (скифо-сарматским), а никак не основным (эпохи энеолита — ранней бронзы) комплексам данного памятника.

¹¹ Пользуясь возможностью, хотела бы поблагодарить В.Г. Петренко, участвовавшего в раскопках 1975 г., за предоставленную информацию и консультации.

¹² Быть может, следует поставить вопрос о более длительно существовавшем в Маяках скифском могильнике смешанного типа. В пользу этого предположения свидетельствуют как недавно полученные, так и давно известные факты. В 1974 году при раскопках доминантного на Маякском могильнике кургана №1 исследователи обособили группу погребений, в которых умершие лежали вытянуто на спине. Из 5 таких комплексов (№№2, 10, 14, 17, 21) всего в одном (№14) был инвентарь (кружальный одноручный кувшин серой глины), позволивший авторам раскопок отнести захоронение №14 к скифской культуре и пусть широко, но датировать его V – III вв. до н.э. (Зиньковский, Патокова 1978: 141-142).

са Г2 частично «перекрывает» дату упомянутых выше погребений К3 и К4, обнаруженных годом ранее, примерно в 200 м к северо-западу. Одно из них (К3), сохранившееся почти полностью, принадлежало женщине. По инвентарю его уверенно можно датировать концом VI — началом V вв. до н.э. (Носова 2009: 105-106).

Погребение К4. От захоронения нетронутой осталась лишь северная часть; южная же оказалась полностью разрушенной вторжениями новейшего времени (рис.5). Захоронение было совершено в удлиненной, ориентированной по направлению запад-юго-запад — восток-северо-восток яме. Её ширина составляла около 0,8 м, длина — не менее 2 м (сохранился участок длиной 1,65 м). Восточный конец ямы был округленный, стенки, прослеженные на высоту 0,44–0,47 м, имели легкий откос, незначительно сужающий яму у дна. Начиная с глубины 0,4 м от современной дневной поверхности, яма четко фиксировалась в плане и, проходя через переходный слой, немного врезалась в материковый суглинок. Заполнение ямы плотное, суглинистое, темное-бурое.

Захоронение принадлежало взрослому человеку. Ориентировка скелета была восточной. В ненарушенном состоянии остались кости левой руки, согнутой в локтевом суставе, и левая лопатка. Кисть лежала ладонью вниз. Справа от того места, где находился череп (найжены несколько фрагментов со свежими сколами), обнаружены обломки предметов, без сомнения, разбитых в древности — часть изделия из камня (зернотерки? терочника? «точильной плитки») и черепки тонкостенного сосуда «закрытого» типа. Фрагменты миниатюрного сосуда лежали также правее плеча. Судя по тесту, все шесть керамичес-

ких осколков принадлежали одному и тому же сосуду — так называемому «ионийскому аску». Остальной инвентарь обнаружен по обе стороны предплечья: слева, острием к грудной клетке лежало железное шило, справа — 8 бронзовых наконечников стрел. При том, что во втулках нескольких из них прослежены перетлевшие остатки древков, есть все основания утверждать, что в погребение были положены не целые стрелы, а лишь обломанные наконечники. Наконечники лежали компактно, один на другом, но острия их были направлены в диаметрально противоположные стороны. Такое расположение возможно, если отломанные или снятые с древков наконечники поместили в какой-то узкий небольшой футляр, который не сохранился (например, в кожаный мешочек).

Погребальный инвентарь

1. *Восточногреческий кольцеобразный сосуд с перекидной ручкой*, или «ионийский аск». Обнаружены 6 небольших фрагментов корпуса, в том числе характерно изогнутые обломки дна со стороны отверстия, что и позволило установить форму сосуда. Сосуд изготовлен из оранжевой плотной глины с большим содержанием мелких слюдянистых и известковых примесей и мелкого песка. За счет включений внутренняя поверхность стенок шероховатая на ощупь. Внешняя поверхность ангобирована, но на донной части, где обмазка жидкой глиной не сохранилась, текстура теста хорошо видна. Хотя по маленьким фрагментам утверждать что-либо определенное трудно, похоже, что сосуд был небольшого диаметра, со слегка расширяющимся книзу корпусом. На тулове было минимум три пояса, нанесенных лаком. На одном фрагменте (плечо сосуда?) сохранилась широкая го-

ризонральная полоса жидкого с металлическим отливом черного лака. Судя по двум мелким, но стыкующимся осколкам, в средней части корпус украшали ещё два узких пояска коричневого лака (тип 3? 4? по: Скуднова 1945). По наблюдениям В.М. Скудновой, кольцеобразные сосуды из ольвийского некрополя датируются пос-

ледней третью VI — началом V в. до н.э., не заходя во вторую четверть столетия (Скуднова 1988: 13).

2. *Наконечники стрел* — 8 экземпляров (рис. 4, 1) — датируются вторым хронологическим периодом, по классификации А.И. Мелюковой, т.е. второй половиной VI — первой половиной V вв. до н.э. (Мелюкова 1964: 16-17).

1) Трехлопастный остролистный наконечник (рис. 4, 1а). Длина 28,1 мм. Втулка довольно короткая, с шипом. По пропорциям наконечник близок варианту 6 типа 2, по классификации А.И. Мелюковой (Мелюкова 1964: 21, 28, рис.1). Такого типа наконечники присутствовали в погребениях конца VI — начала V вв. до н.э. ольвийского некрополя (Скуднова 1988: 55, рис. кат.55/1; Алексеев 2003: 202-203).

2) Трехлопастный лавролистный (?) наконечник (рис. 4, 1b). Длина 26,5 мм. Форма изящна и не типична — своеобразный переходный вариант от лавролистной к сводчатой форме головки. Узкие лопасти плавно сужаются к низу наконечника. У основания втулки, вровень с которым они срезаны, лопасти сходят почти на нет. Углубления в лопастях подчеркивают длину внутренней втулки. Похож на наконечник из того же архаического п.12/1910 ольвийского некрополя (Скуднова 1988: 55, рис. кат.55/4).

Остальные наконечники относятся к типам со скрытой втулкой, подчеркнутой углублениями на лопастях. Такие типы преобладают в колчаных наборах первой половины V в. до н.э. (отдел II, тип 2, вариант 1, 2 по В. Г. Петренко 1967: 46, табл.34).

3) Трехлопастный базисный наконечник (рис. 4, 1с). Длина 28 мм. Головка в плане треугольная. Концы лопастей срезаны вровень с основанием скрытой втулки. Тип 5, вариант 1 (Мелюкова 1964: 21, 28, рис.1).

4) Трехлопастный базисный наконечник (рис. 4, 1d). Длина 23,8 мм. Головка в плане слегка сводчатая. Концы лопастей срезаны вровень с основанием скрытой втулки. Тип 5, вариант 1 (Мелюкова 1964: 21, 28, рис.1).

5) Трехлопастный базисный наконечник (рис. 4, 1е). Длина 24,2 мм. Головка в плане сводчатая. Довольно широкие лопасти срезаны почти вровень с основанием втулки. Наконечник может быть отнесен к варианту 1 или же к варианту 11 типа 5 (Мелюкова 1964: 21, 28, рис.1). На одной из граней выгравирован знак: прямая линия вдоль края лопасти пересекается тремя косыми короткими линиями; более короткая и широкая линия прочерчена вдоль края противоположной лопасти.

6) Трехлопастный базисный наконечник (рис. 4, 1f). Длина 29 мм. Лопастей довольно широкие, почти равные диаметру втулки. По срезанным под тупым углом концам лопастей наконечник может быть отнесен к варианту 11 типа 5 (Мелюкова 1964: 21, 28, рис.1).

7) Небольшой трехлопастный наконечник (рис. 4, 1g). Длина 22 мм. Головка в плане ближе к сводчатой. Концы двух лопастей слегка опущены вниз и заострены; третий более выражен. Тип 6, вариант 4а.

8) Трехлопастный наконечник вытянутых пропорций (рис. 4, 1h). Длина 32 мм. Головка сводчатая. По слегка опущенным вниз и заостренным концам лопастей может быть отнесен к тому же типу, что и предыдущий экземпляр.

3. *Шило* — сильно корродированный, слегка прогнутый посередине круглый в поперечном сечении железный стержень, диаметр которого постепенно увеличивается в сторону колющего острия. Возможно, орудие вставлялось в деревянную рукоять.

Распалось на 5 фрагментов. Длина 118 мм, диаметр насадной части 3,5 мм, средней — 5,5 мм, в 22 мм от острия — 7 мм (рис.4, 2).

4. *Обломок каменного изделия* (зернотерки?) представляет собой угловую часть орудия, изначально,

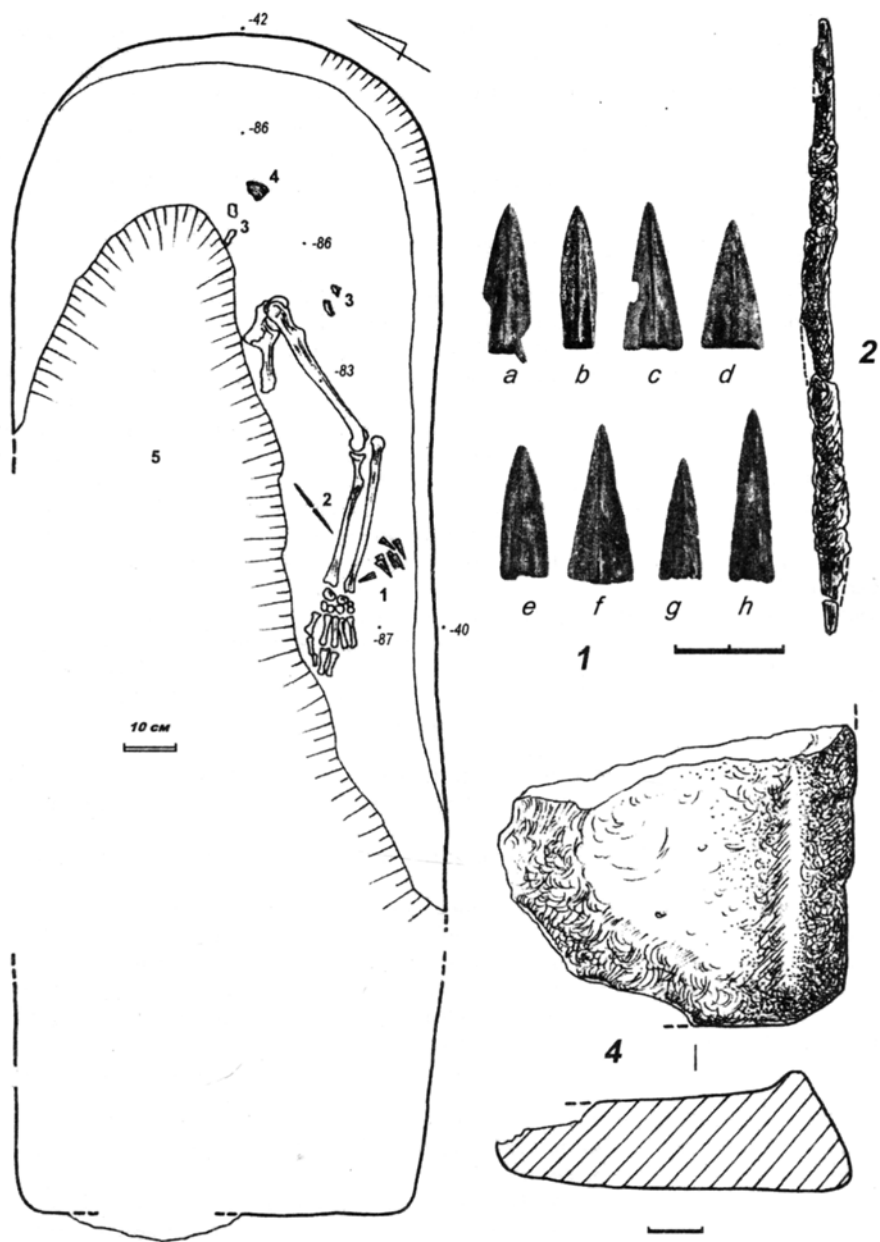

Рис. 4. Могильник Маяки: погребение К4, план и разрез, инвентарь.

1 — бронзовые наконечники стрел; 2 — железное шило;

3 — фрагменты кольцевидного сосуда;

4 — обломок каменного орудия; 5 — грабительский перекоп.

очевидно, имевшего форму подпрямоугольной в плане плитки с одной скошенной и одной прямой боковой стороной. Верхняя плоскость изношена так, что на ней образовалось небольшое углубление, а вдоль края рабочей поверхности сформировался бортик (рис.4, 4). Вторично обломок, возможно, использовался в качестве терочника: нижняя поверхность изделия чуть выпукла, по краю скола (?) характерно округлена, по-видимому, в результате утилизации.

Из-за неравномерной сработанности толщина плитки увеличивается в сторону бортика с 16 до 20 мм. Длина обломка 68, ширина — 57 мм. Мелкокристаллическая горная порода по структуре визуально похожа на породу, из которой изготовлена зернотерка, лежавшая в располагавшемся поблизости погребении К3 (Носова 2009: 106, рис.1, 1; 2, 4). Однако цвет публикуемой здесь находки отличается — темно-серый, почти черный (цвет «асфальт»), красновато-бурые вкрапления не прослеживаются. Вещь, несомненно, побывала в огне, что привело к появлению трещин, изменению цвета камня и его относительной, по сравнению с прочной зернотеркой, крохости.

Обнаруженный инвентарь (набор наконечников стрел и восточногреческий кольцеобразный сосуд с перекидной ручкой) позволяет датировать погребение К4 концом VI — первой четвертью V вв. до н.э.

Уже само расположение погребений К3 и К4 относительно друг друга (лежали примерно на одной линии, расстояние между ними менее 10 м) свидетельствует, если не об их буквальном совпадении во времени, то о бесспорной хронологической близости и принадлежности к одному социуму. Временной разрыв между совершением захоронений К3 и К4 с уверенностью можно оп-

ределить как минимальный, поэтому импортная керамика, обнаруженная в погребении К3, равным образом служит хронологическим репером и для К4, лишней раз удостоверяя его датировку.

Если говорить об относительной хронологии комплексов К3-4 и исследованного на энеолитическом «городище» комплекса Г2, при сравнении наконечников стрел из двух, казалось бы, практически синхронных, погребений Г2 и К4, набор наконечников последнего кажется более архаичным как по представленным типам, так и по пропорциям и большей массивности базисных наконечников, превалирующих в обоих комплексах.¹³

В то же время, среди наконечников, найденных в погребении Г2, практически нет таких, которые датировались бы исключительно *не позже* конца VI в. до н.э. Преобладание в погребении Г2 базисных наконечников стрел более легких пропорций, по сравнению с наконечниками того же типа в погребении К4, свидетельствует о, возможно, более поздней датировке «воинского» комплекса. V в. до н.э. обычно датируют и ворворки с граненым туловом (Черненко 1970: 177-178, рис.1, 2).

Закономерно возникает вопрос о культурной атрибуции выявленных объектов и о том, насколько они вписываются в историческую ситуацию в Северо-Западном Причерноморье, как ее видят исследователи. Рассмотрим вероятные варианты.

¹³ Следует отметить, что в явно кочевническом погребении Г2 наконечников найдено втрое больше, чем в захоронении с восточной ориентировкой скелета, так что соотношение типов в К4 в могло быть случайным.

Дистанция между явно скифским и двумя другими погребениями, диаметрально противоположная ориентировка скелетов, различие в инвентаре подводят к предположению о разновременности и разнотипности (даже «разноэтничности»¹⁴) исследованных комплексов. Погребения КЗ-4 (восточная ориентировка, импортная керамика), могли быть частью античного некрополя (греческого в основе, но этнически, возможно, гетерогенного). Скифское «воинское» захоронение (западная ориентировка, оружие) было совершено чуть позже и относится к скифскому могильнику (?) второй трети – середины V в. до н.э. В защиту данной интерпретации можно привести ряд доводов.

На настоящий момент объекты КЗ и К4 являются уникальными для Нижнего Поднестровья. В регионе это единственные погребальные памятники, которые можно связать с жизнедеятельностью греческих колонистов в период поздней архаики. Ни для самого Никония, ни для поселений, которые исследователи включают в хору (ближнюю и дальнюю) нижнеднестровского полиса, ни единичные захоронения, ни тем более некрополи позднеархаическо-

го – раннеклассического времени пока не известны, однако таковые открыты в соседних областях Северо-Западного Причерноморья — в Нижнем Побужье и в северо-восточной Добрудже. По дате, по погребальному обряду, по инвентарю маякские комплексы КЗ и К4 находят прямые аналогии в исследованных там античных некрополях.

Так, кольцообразные сосуды с перекидной ручкой — одни из наиболее часто встречающихся вещей в ольвийских погребениях периода архаики (Скуднава 1945; она же 1988: 13). Археологами даже ставится вопрос об «ионийских асках» как своеобразных маркерах именно греческих захоронений (Гречко 2010: 129; он же 2010а: 51).¹⁵ Типичны для ольвийского некрополя находки и лекифов с яйцеобразным корпусом, и чернолаковых чаш на ножке (Скуднава 1988: 12-13, 18). *Ring-shaped vessels* и лекифы с овоидным туловом (восточно-греческие и, вероятно, местного изготовления) обычны и для архаических погребений расположенного в 4,5 км от Истрии некрополя Истрия Бент (Teleaga, Zirra 2003: 40-42, 43-44, 190).¹⁶ В данном случае материалы северо-восточной Добруджи пред-

¹⁴ О проблемах «*ethnic identity/ethnicity*» и «*cultural identity*» в античном мире и, в частности, в Северном Причерноморье (Petersen 2010: 35-38, 241, 265 etc.).

¹⁵ Аналогичным образом к маркерам эллинических захоронений относят лекифы, арибаллы, аски и т.п., то есть все сосуды для масел, широко использовавшиеся в греческой погребальной практике (Гречко 2010а: 51). В архаическом некрополе Ольвии кольцообразные сосуды присутствовали и в «погребениях скифского типа» (пп.48/1912, 91/1913) (Капошина 1950: 213; Скуднава 1988: 117, кат.176; 143, кат.226), что усиливает позиции противников кочевнической атрибуции этих комплексов. Зафиксированные в захоронениях Ольвии, а также в Пантикапее и Мирмекии случаи намеренного разбивания лекифов не столь выразительны в плане определения «*ethnic identity / ethnicity*» (Petersen 2010: 38) покойных, так как могут квалифицироваться как проявление широко распространенного при проведении церемонии погребения обряда «умерщвления» сосуда. Отмечу лишь, что Геродот, описывая процедуру бальзамирования тел скифских царей, упоминает благовония (Herod.IV, 71), для которых гипотетически могли использоваться небольшие сосуды и которые, вполне вероятно, применялись не только к «царскому» обряду.

¹⁶ См.: Teleaga, Zirra 2003: Taf.17, Gr.22.1, 30.1; Taf.18, Gr.39.1; Taf.20, Gr.57.1; Taf.20, Gr.48.4; Taf.21, Gr.59.1; Taf.25, Gr.63, 66.1; Taf.27, Gr.100.1, Komplex X.1 etc.

ставляют особенный интерес, так как публикуемые захоронения открыты на территории сельской округи Никония — города, выведенного, как полагают, Истрией (Синицын 1950: 55, 56). То, что, по крайней мере, КЗ могло быть погребением эллинки, косвенно подтверждает месторасположение обнаруженных в захоронении двойных булавок, указывающих на греческое, по-видимому, платье женщины (скорее всего, пеплос) (Носова 2009: 139-140). К греческой атрибуции комплексов КЗ и К4 склоняет и восточная ориентировка обоих погребенных, наиболее типичная для античных некрополей Северного и Западного Причерноморья (Скуднова 1988: 8; Teleaga, Zirra 2003: 189).

Согласно датировке инвентаря¹⁷, захоронения были совершены в период, когда еще функционировали архаические поселения никонийской хоры: находившееся на расстоянии 6 км, т.е. в пределах видимости, Надлиманское-3 и лежавшее выше по Днестру поселение Беляевка I (Мелюкова 1980: 21; Охотников 1978: 367; он же 1990: 68). Гипотетически можно допустить, что открытые погребения — часть небольшого некрополя, относившегося к существовавшей некогда вблизи обнаруженных объектов, но несохранившейся до наших дней поселенческой структуре, обитатели которой и были похоронены на территории древнего могильника (Носова 2009: 106, 109). Пункт IV — III веков до н.э. Маяки-VI зафиксирован исследователями на небольшом мысу, «непосредственно севернее observa-

тории» Одесского университета (Охотников 1983: 110). Подобно другим местонахождениям в самих Маяках¹⁸ и их окрестностях, этот мыс (сейчас застроен) мог быть освоен еще в позднеархаическое — раннеклассическое время: на территории расположенной по соседству астрономической обсерватории (неподалеку от нее и обнаружены комплексы КЗ и К4) не один раз находили обломки амфор конца VI — начала V вв. до н.э.

Итак, первая версия — формирование некрополя (КЗ-К4) было следствием освоения Никонием «большой» хоры. В этом случае период функционирования могильника, естественно, совпадал с периодом жизни архаических поселений на левобережье Нижнего Днестра. Появление скифских воинских захоронений (комплекс 1975 г. и Г2) должно рассцениваться как показатель изменения ситуации в регионе.

Такая реконструкция хода событий полностью вписывается в хорошо известную периодизацию истории Северного Причерноморья в скифскую эпоху (Виноградов 1989: 83; Виноградов Ю.А., Марченко 1991; они же 1995; они же 2005: 27-73 и др.). В Нижнем Поднестровье эта модель подтверждается археологическими материалами: жизнь на поселениях никонийской хоры, как и хоры Ольвии, примерно со второй трети V в. до н.э. замирает (Охотников 1990: 70); в эту модель по всем показателям вписываются исследованные грунтовые погребения КЗ и К4.

* * *

В то же время, несмотря на из-

¹⁷ Сохранность керамики из этого комплекса превосходная, следы износа незаметны, следовательно, временной разрыв между временем ее изготовления и помещения в захоронение минимален.

¹⁸ Например, следы поселения IV — III вв. до н.э. — пункт Маяки-IV — были обнаружены в 2 км северо-западнее моста через Днестр (центр села) (Дзис-Райко 1963: 45). Позже там же были найдены материалы конца VI — V вв. до н.э. (Охотников 1983: 110).

ложенные аргументы, имеются свои «но» и доводы, указывающие на возможность иного решения вопроса культурной атрибуции комплексов К3 и К4. Так, существует вероятность того, что упоминавшиеся находки амфорных обломков связаны не с поселением, а с большей протяженностью некрополя. На занятой современной обсерваторией территории находится один из доминантных курганов могильника Маяки, имеются курганные и грунтовые усатовские захоронения. «Привязка» кочевнических комплексов к курганным могильникам более ранних эпох общеизвестна. Возможно, и эта часть древнего (энеолит-бронза) «поля погребений» в скифское время была задействована под захоронения.

Кроме того, некоторые категории инвентаря из Маяк, при условии обнаружения подобных погребений в степи, вдали от античных памятников, несомненно, были бы интерпретированы как «варварские». Так, с VII века до н.э. в степных погребениях кочевников Северного Причерноморья фиксируются железные шилья и иглы¹⁹; известны они и в захоронениях лесостепи (Ольховский 1991: 70, 88, 107, 119, 141, 157, 161; Бессонова 1991: 95). Поэтому даже в архаическом некрополе Ольвии²⁰ комплексы с колющими металлическими орудиями иногда причисляют к «скифским» (Бессонова 1991: 94-95). Гипотетически тем же образом может быть трактовано маякское погребение с железным шилом — К4. Из аналогичных находок, близких террито-

риально и по времени, можно упомянуть 3 железных шила в очень интересном скифском подкурганном погребении женщины (п. №7 к. 1) у с. Мерень на р. Бык, левом притоке Днестра (Дергачев, Савва 2001/2002: 534-538, рис.9, 7-9).

Показателем принадлежности погребенного кномадам считается наличие в степном захоронении скифских наконечников стрел, тем более, если открытый комплекс, как это имело место в случае с погребением К4, нельзя соотносить с конкретным поселением.

Наиболее «скифской» в маякских комплексах К3-4 представляется зернотерка — вещь, которую из-за ее утилитарной основной функции традиционно признают типичной для материальной культуры оседлых народов. Действительно, эти орудия — частая находка на поселениях самых различных эпох, начиная с неолита. Вместе с тем, в оставленных земледельческими культурами погребальных памятниках зернотерки встречаются несравнимо реже. Хотя для погребений кочевников их тоже нельзя назвать ординарными, но все же зернотерки отмечают в курганных ровиках, насыпях, иногда непосредственно в могилах в различных частях евразийского кочевнического мира (например, см.: Смирнов 1968: 150-151; Кирюшин, Степанова, Тишкин 2003: 21). По наблюдениям А. Наглера, класть в захоронения зернотерки — восходящий к глубокой древности обычай не оседлых, а именно *кочевых ираноязычных* народов Евразии. Исследователь пола-

¹⁹ О помещении в могилы игл и шильев в степных культурах эпохи поздней бронзы и раннего железа Восточной Европы см.: Ковалева 1996; Подобед, Цимиданов 2009-2010: 98-120.

²⁰ Исследователи отмечают обилие колющих предметов — игл, «стержней», «остриев», «гвоздей» — в ранних захоронениях Ольвии (Скуднова 1988: 27; Бессонова 1991: 94). Правда, «iron and bronze nails» (а также «iron, bronze and bone pins») встречаются и в позднеклассических погребениях Аттики (Kroustalis, Tsaravopoulos 2008: 134), и там утилитарное назначение этих вещей вызывает вопросы.

гает, что символика зернотерки в обряде у кочевников носит, скорее, негативный оттенок и не связана с прямым назначением этих орудий. В обоснование своей гипотезы А. Наглер приводит как археологические, так и этнографические данные (Nagler 2001: 305-308). Существуют и другие предположения о семантике зернотерок в погребальной практике кочевников (Михайлов 1999: 132-134).

Рабочая площадка зернотерки из маякского комплекса КЗ сформирована в пикетажной технике; на внешней поверхности орудия, как и на нижней (тоже рабочей?) поверхности обломка из погребения К4, просматриваются грубые борозды, оставленные каким-то твердым металлическим (?) предметом (следы обработки скалыванием? заточки?). По форме и технике обработки каменное изделие из КЗ вполне подходит под классическое определение «зернотерка». Вероятна и негативная (или/и, наоборот, охранительная по отношению к устроителям захоронения) смысловая нагрузка орудия в обряде, учитывая, что зернотерку положили в погребение беременной женщины, умершей, быть может, при родах.²¹

У маякских находок есть и некоторые специфические внешние признаки, выделяющие эти вещи из сферы сугубой утилитарности и позволяющие допустить их ритуальное назначение. Во-первых, как уже говорилось, оба орудия изготовлены из одной и той же породы и,

²¹ В полости, ограниченной тазовыми костями, сохранились останки утробного ребенка (определение К.С. Липатова).

²² Библиография темы значительна, см., например: Граков 1947: 109-112; Смирнов 1964: 162-170; Петренко 1967: 36; Ильинская 1968: 150; она же 1975: 175; Ильинская, Тереножкин 1983: 90-93, 94, 198; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 69-70, 87, 100-101, 257-305, рис.15, 5,6; рис.30, 35, табл.4; Бессонова 1991: 93-94; Зуев 1996; Скорый 1997; он же 2003: 53; Яблонский 1996: 34, 113-125; Шульга 1999; Мошкова 2000: 204-214; Социальная структура 2005: 129; и др.

²³ Каменная плита, предположительно portable altar (Petersen 2010: 191, note 150), выявлена в значительно более позднем подкурганном погребении некрополя Панского-I — поселения, основанного, по-видимому, ольвиополитами (Виноградов 1989).

возможно, составляли своеобразный «комплект» (зернотерка и терочный камень?) или же были частями чего-то иного, некогда целого. Само их присутствие в соседних и, не исключено, одновременных погребениях кажется неслучайным. Во-вторых, обломок из погребения К4, несомненно, подвергался воздействию огня (отсюда и «трещиноватость»), а поверхность находки из комплекса КЗ имеет буровато-красный оттенок, который, по визуальному осмотру, зернотерке придают остатки красного вещества (охра?) в порах изделия.

По характерным особенностям (обожженность, красная краска) зернотерка и обломок орудия (терочник? точило?) из Маяк ассоциируются с «каменными блюдами» и «каменными плитками» — элементами не только скифской, но сако-савромато-скифо-сарматской, то есть вообще *евразийской кочевнической* погребальной обрядности.²²

В Северном Причерноморье каменные «блюда» и «плиты» известны как в более ранних и синхронных маякским, так и в более поздних погребениях на территории лесостепи и степи. На античных памятниках, согласно публикациям, аналогичные вещи найдены в архаических погребениях Ольвии и связанного с этим городом самым непосредственным образом поселения на Березани (Скуднова 1988: 31-32).²³

Подавляющее большинство каменных блюд с бортиком происходит из лесостепной зоны; из степи

— лишь несколько экземпляров. Почти все датированные находки восходят к раннескифской эпохе (Петренко 1967: 36; Скорый 1997: 51-53; Бессонова 1990: 20-21, 31; Ольховский 1991: 60-61). Каменные блюда, наряду с оружием, конской уздой и антропоморфными изваяниями, входят в перечень ключевых категорий вещей, «которые собственно и определяют облик раннескифской культуры» (Мурзин 1990: 24).

Найденные в погребениях лесостепи вместе с украшениями и зеркалами «блюда» считаются особой категорией инвентаря, присущей исключительно женским скифским комплексам. Предполагая ритуальное назначение изделий из камня, ученые рассматривают блюда как маркеры захоронений служительниц культа²⁴ (Ганина 1958: 175; Петренко 1967: 36; Бессонова 1990: 31 и др.). Та же точка зрения сформировалась и на подобные памятники в восточной части кочевнического мира Евразии (Смирнов 1968: 116-121; Шульга 1999: 88-90 и др.; срав.: Зуев 1996).

В архаическом некрополе Ольвии в комплексах с оружием «блюда» отсутствовали, но были обнаружены в богатых захоронениях с ювелирными украшениями, что послужило доказательством того, что каменные изделия *in question* «составляли предметы женского инвентаря» (Скуднева 1988: 32). Повторяющее комбиацию вещей в лесостепных комплексах сочетание «каменное

«блюдо» + зеркало» (нередко дополнялось красной краской или реальгаром) в захоронениях Ольвии свидетельствует, по мнению ряда авторов, о прижизненном исполнении жреческих обязанностей погребенными с таким инвентарем женщины. В последних исследователи видят представительниц варварской аристократии, вступающих в браки с ольвийскими греками (Русяева 1992: 178-180; Шауб 2007: 246-250).

Предметов категории «каменные блюда», «каменные плитки», «точильные камни» в архаическом некрополе Ольвии насчитывалось свыше сорока, однако это число включает не только изделия из камня, по форме действительно напоминающие блюда, и их обломки²⁵ (Скуднева 1988: 31). Для предположения, что ольвийские находки «представляли собою преимущественно поразному обработанные овальные или ладьевидные известняковые блюда с валиком по краю» и что только «иногда они были плоскими» (Шауб 2007: 246), нет достаточных оснований. Вряд ли в каждом комплексе, где по полевой документации числится «каменная плита», лежало, как в погребении 1/1910, каменное блюдо (Скуднева 1988: 49-50, кат.46). При нечеткости терминологии дневниковых записей находки могли быть как блюдами, так и плоскими каменными плитами разного размера и, возможно, конфигурации.²⁶ Например, каменное изделие

²⁴ «...этот термин нам кажется предпочтительнее понятий «жрец» или «шаман»» (Социальная структура 2005: 129).

²⁵ Как, например, «каменная зернотерка (блюдо)» — кат. 78, «каменное точильное блюдо» — кат. 97, возможно, «камень с карнизом» — кат. 70 (Скуднева 1988).

²⁶ См. Скуднева 1988: «большой плоский камень» — кат. 2 («за ним — румяна»), 4 (куски румян); «каменная точильная плита» — кат. 117; «каменная плита» — кат. 29, 93; «каменные плитки», «плоский точильный камень» — кат. 234, 235, 236 (+ зеркало). В п.64/1912 (Скуднева 1988: 119, кат.182), кроме керамических и алабастровых сосудов, украшений, кусков реальгара и бронзового зеркала, лежало «каменное точило», под которым — «бусина, две золотые бусины, килик». Каковы же размеры точила? Если «точильный камень» в п. 82/1913 (кат. 220) означал оселок, то под «большим точильным камнем» в п. 97/1913 (кат. 232) могло подразумеваться «блюдо». Иногда просто упоминаются «камни у ног» (кат. 108) или «в насыпи — камень» (кат. 118) и т.д.

из погребения 57/1910 (кат. 78), названное в дневнике раскопок «точило», в каталоге В.М. Скудной описывается как «плоская, без краев, неправильной овальной формы, с узким одним концом», «с ровной гладкой поверхностью» «каменная зернотерка (блюдо)» (Скудная 1988: 31, 64). Впечатляют и размеры «точила» — 52 x 21-31 см.

Ольвийские комплексы с каменными «блюдами», «зернотерками» и «точилами» датируются второй половиной — концом VI века до н.э. Если это захоронения женщин и притом не гречанок, то кем были погребенные? Представительницами кочевнических аристократических родов, прибывших и обосновавшихся в лесостепи Северного Причерноморья еще в период архаики? Или, возможно, выходцами из номадов «новой волны»?

При всех различиях в материальной культуре, в «обеих Скифиях», — «архаической» и «классической», — безусловно, много общего, что обусловлено хозяйственно-культурным типом пришельцев с Востока и всем ходом развития кочевнического мира Евразии, причем именно в мировоззрении номадов это «общее» сохранялось дольше и соответственно лучше улавливается в области религиозных представлений и ритуалов кочевников (Мошкова 1994: 92-98; она же 2003: 213). Похоже, что частный случай «общего» — тема каменного «блюда/плиты».

Существует гипотеза, что в Северном Причерноморье на смену раннескифским блюдам с бортиком в V веке приходят каменные плитки подпрямоугольных или овальных очертаний с плоской или углубленной из-за сработанности (?) верхней стороной (Ольховский 2004: 96). Хотя «генетическая связь этих плиток с блюдами по формальным признакам не является очевидной»

(Алексеев 2003: 172), тезис о функциональном сходстве плиток из скифских погребений конца VI — IV вв. до н.э. с каменными блюдами «Архаической Скифии» (Ольховский 1991: 60, 71-72) кажется не беспочвенным.

М.Г. Мошкова считает такое сопоставление необоснованным. Одним из доводов *contra* гипотезы о преемственности между «блюдами-жертвенниками» и «краскотерками» исследовательнице служат комплексы, в которых присутствовали одновременно как блюда, так и плитки для растирания красок (Мошкова 2000: 212). Но даже если семантически эти вещи и не взаимозаменяемы, в данной конкретной ситуации важно другое:

- несомненная связь обеих категорий предметов с кочевническим миром;

- на каменных «блюдах-жертвенниках» и «плитках-краскотерках», происходящих из разных регионов Евразии, не раз фиксировались остатки реалгара, краски (чаще, красной) и следы огня (Мошкова 2003: 210-211).

Не исключено, что в некрополе Ольвии, наряду с захоронениями родовитых женщин «Архаической Скифии» («блюда»), примерно с конца VI века появились погребения «новых скифянок». В таких комплексах «точильными камнями» могли быть каменные плитки, которые, как ранее каменные блюда, удостоверяли «скифское», кочевническое происхождение умерших. Браки между знатными семьями номадов и оседлого населения — общепринятая практика, одна из мер, призванных обеспечить мирное сосуществование этих, по словам Ж.П. Дигара, «двух различных сущностей» (Дигар 1989: 40).

В Днестро-Дунайском междуречье и на левобережье нижнего Днестра самые ранние подкурганные скиф-

ские комплексы с каменными плитками датируются концом V в. до н.э. В большинстве захоронений около плит обнаружены так называемые «пращевые камни», при этом часто и на плитах, и на «боласах» имелись следы огня и копоть (аналог жаровни с камнями?²⁷); в трех погребениях отмечена красная краска. Обычай класть каменные плитки в захоронения существовал в регионе достаточно продолжительное время — с конца V до конца III — начала II вв. до н.э. Учитывая это, а также количество находок (20 экз.), специально изучавший вопрос В.С. Синика полагает, что данную категорию вещей «можно с достаточной уверенностью отнести ... к устойчивым и значимым элементам скифо-сарматской погребальной обрядности, встречающимся исключительно в женских захоронениях» (Синика, Алемша 2000: 44-45; Синика 2002: 87-89).

Следует упомянуть, что и более ранние, и синхронные, и более поздние, чем маякские находки, каменные блюда и плиты обыкновенно имеют иную форму и изготовлены, как правило, из песчаника, реже — из сланца, шифера, кварцита (Шрамко 1973: 43). Шлифовальная, по мнению С.С. Бессо-

новой и С.А. Скорого, плита, использовавшаяся вторично как точило, лежала под головой погребенного в Акташском могильнике скифского воина (Бессонова, Скорый 1986: 159-160, рис.2, 4). Это один из редких случаев обнаружения каменных плиток в мужском погребении.²⁸ Похожие, но с характерной точечной оббивкой рабочей поверхности плиты из захоронений женщин Б.А. Шрамко считает зернотерками (Шрамко 1973: 46-47). Отклоняя подобную трактовку акташского экземпляра, С.С. Бессонова и С.А. Скорый делают справедливое замечание о нецелесообразности применения песчаника и других достаточно мягких пород как материала при изготовлении зернотерок. Каменное изделие из женского погребения №3 кургана 9 скифского времени у с. Ильичево в восточном Крыму первоначально было интерпретировано как «дощечка для растирания румян» (Яковенко, Черненко, Корпусова 1970: 148). В более поздней работе Э.В. Яковенко указала, что такое определение было сделано из-за следов красной, желтой и голубой краски на камне, а на самом деле находка, вероятнее всего, является зернотеркой, использованной в погребальном обряде не по

²⁷ «К числу ритуальных предметов, являющихся маркерами захоронений служителей культа у номадов (ранних кочевников Евразии — Л.Н.) исследователи относят: бронзовые жаровни с камнями, зерна конопли, «шестиноги», каменные алтарики, специфичные зеркала» (Социальная структура 2005: 129).

²⁸ Интересно погребение №3 кургана №2 у с. Новокиевка (Каланчакский район Херсонской области). В нем, наряду с типичными для мужских захоронений предметами (меч, колчаный набор, оселок), лежали «краскотерка» и комок красной краски — находки, характерные для погребений женщин. Не дали однозначного определения пола погребенного и антропологи. Объяснение необычного сочетания инвентаря тем, что обнаружено погребение энарея (Евдокимов, Мурзин 1984: 81), допустимо. Но нужно учитывать не только сообщения письменных источников о скифских женоподобных мужчинах (энарей, изнеженные скифские цари и т.п.), но и данные антропологии о «мужеподобных» женщинах скифов (Медникова 2000: 57). «...Следует отметить, что у номадов также наблюдалась известная специализация мужской (война, выпас скота) и женской (домашнее хозяйство) деятельности. Однако применительно к кочевникам такое разделение с археологической точки зрения, возможно, не будет фиксироваться столь очевидно, поскольку, когда мужчины были заняты грабежами или войной, скот пасли подростки или женщины» (Социальная структура 2005: 68).

своему прямому назначению (Яковенко 1974: 89). Аналогичных примеров можно привести немало.²⁹ О двойной роли предметов из камня, — зернотерки в быту и культового символа в погребальном обряде, — в культуре приаральских саков пишет Л.Т. Яблонский (1996: 34).

В археологической литературе для вещей рассматриваемой категории, наряду с терминами «туалетные столики», «каменные жертвенники», «блюда-алтарики» и т.п., встречается и определение «зернотерка» (например, см.: Гаврилюк 1989: 79; Яблонский 1996: 113-125). По-видимому, выбор дефиниции обусловлен как субъективным мнением каждого автора о назначении конкретной вещи, так и тем, что нередко каменные изделия примитивны по исполнению (Мошкова 2000: 204) и совсем не напоминают собственно «блюда».

То, что в Северо-Западном Причерноморье помещение «зернотерок» в погребение было чертой, скорее, «варварской», причем кочевнической обрядности, косвенно удостоверяют синхронные материалы некрополя Истрии Бент. При всей схожести архаических погребений этого памятника и Ольвии, из упомянутых авторами раскопок 11 истрийских захоронений с «Erd- oder Steinkissen» (Teleaga, Zirra 2003: 93, 192) «каменная подушка» имела лишь в одном комплексе — № 65. В этом погребении ребенка лежали два довольно крупных и, насколько можно разглядеть по чертежу, необработанных камня: один — не-

посредственно под черепом скелета, второй — в изголовье, справа (Teleaga, Zirra 2003: 24, Taf.10, 1). Крупный камень находился и в погребении № 68, где был захоронен также ребенок (Ibid.). Сведений о «каменных блюдах» или «плитках» в монографии, посвященной гробовому некрополю Истрия Бент, нет³⁰, как нет их и в публикации курганного некрополя Истрии (Alexandrescu 1966). Между тем исследователи Ольвии неоднократно акцентировали внимание на «пристрастии» древних обитателей этого города к камням и красной краске (Русяева 1992: 165-166; Папанова 2006: 219-220). Появление и формирование указанной традиции объясняется, по-видимому, варварским окружением нижнебуско-го полиса и тесными контактами эллинов с номадами уже на раннем этапе ольвийской истории.

Показательно, что при отсутствии характерных изделий из камня в истрийских комплексах, каменные плитки упоминаются в связи с расположенным в Северной Добрудже некрополем Челик-Дере (Скорый 2006: 146).³¹ Наличие в этом добруджанском могильнике подкурганых трупоположений, оставленных не местным, а пришлым с востока «скифоидным» населением, не вызывает сомнения (Мелюкова 2001; Skory 1998: 11-14; Скорый 2006: 158-159; Бруяко 2004: 19; он же 2005: 166). Точила и зернотерки находят и в захоронениях группы Сентеш-Векерзуг, или культуры Векерзуг, участие в фор-

²⁹ В к. 39 курганной группы Широкое-II на правой стопе погребенной «лежал уплощенный камень, вероятно, часть зернотерки» (Черненко, Бунятян 1977: 60). В п. 1 к.24 (курганная группа Шевченко-III) у черепа скелета найден обломок «плоского камня для растирания» размером 12 x 8,5 см; толщина плитки из-за сработанности одного края уменьшается от 4,2 до 1 см (Бунятян 1977: 117-119). В к. 38 той же группы, во входной яме погребения 2 обнаружен плоский камень-терочник (Бунятян 1977: 123) и т.д.

³⁰ Не указаны в перечне инвентаря и шилья.

³¹ К сожалению, не все публикации Г. Симиона, имеющие отношение к этому памятнику, оказались мне доступны.

мировании которой восточных номадов также общепризнанно (Chochorowski 1985: 84-85, Abb.24, A2). В ареалах этой культуры, а также скифской трансильванской и других западных культурных групп, в которых наблюдается «скифоидный» компонент, отмечен и обычай класть натуральные красители в могилу (Левицкий, Кашуба 2009: 262, табл.5).

На маякскую «зернотерку» очень похоже, если судить по иллюстрации, «блюдо» из кремации (там же была обнаружена и красная краска) под курганом VI могильника раннескифского времени у с. Тринка в Единецком районе Молдовы (Левицкий, Кашуба 2009: 256-257, рис. 3, 17). Этот курганный могильник смешанного типа в бассейне Прута «имеет более отчетливый гальштатский облик и наименее выраженные», по сравнению с Западно-Подольской группой в целом, но все же скифские элементы (Там же: 262-263).

* * *

Северопонтийские погребения с каменными «блюдами-зернотерками» и «плитками-краскотерками» были определены как кочевнические по археологическим и этнографическим данным, а как «скифские» — в соответствии с данными письменных источников об обитавших в регионе в тот период племенах скифов. Подобная интерпретация погребальных памятников, открытых на территории греческих полисов, неизбежно порождает дискуссии.

Высказывания о бесперспективности подхода к изучению памятников в такой «*'borderland' zone*», каковой является северопонтийс-

кая, с позиций убежденности «*in the close connection between material culture and ethnicity*» (Petersen 2010: 103) не лишены оснований. Разумеется, красную краску в погребальных комплексах нельзя расценивать «*as a strict ethnic marker*»³², как нельзя определять и «*ethnic identity / ethnicity*»³³ погребенного, отталкиваясь лишь от находки специфических каменных изделий (ibid.). Однако длительность бытования и распространенность довольно разных по «форме», но, по-видимому, схожих «по содержанию» вещей именно в мире номадов Евразии, при обнаружении окрашенной «зернотерки» в захоронении дает право ставить вопрос о *cultural identity* погребенной и гипотетически (учитывая смешанные браки) — о её принадлежности к кочевому племени.

На рубеже VI – V вв. до н.э. взаимоотношения греков Нижнего Побужья с обитателями Скифии³⁴ имели уже более чем вековую историю, и не укладывающиеся в *представления* о «*Greekness*» вещи из погребальных комплексов (особенно на территории большой хоры) могут, конечно, быть и отражением «*of cultural interactions rather than of strict ethnicity*» (Petersen 2010: 114).

В Нижнем Поднестровье эллины обосновались почти столетием позже. Соответственно ко времени совершения захоронений К 3-4 предыстория «*of intense cultural interaction*» была несравненно короче. Также нужно учесть, что первыми греческими обитателями Никония и поселений его округа были, очевидно, выходцы из Истрии (Синицын 1966: 55-56; Охотников 1990: 66), до этого не поддерживав-

³² Хотя приведенные автором параллели причерноморским погребениям с красной краской в греческом мире на базе символики красного цвета (Petersen 2010: 103) едва ли уместны.

³³ Об «*ethnic identity / ethnicity*» и «*cultural identity*» (Petersen 2010: 38).

³⁴ Как с автохтонным населением лесостепи, так и пришлыми кочевниками.

шие, по-видимому, столь тесных контактов с кочевниками, как ольвиополиты. Более того, среди жителей удаленных от собственно города поселений «большой» хоры³⁵, вполне вероятно, превалировали представители варварских этносов, а, по мнению исследователя памятников Нижнего Поднепровья С.Б. Охотникова, возможно, даже оседавшие «скифы» (Охотников 1990: 68). Таким образом, для нижнеднепровского региона имеется больше причин предполагать принадлежность ранних «скифоидных» могил собственно кочевникам, а не рассматривать погребенных «*as a hybrid population of Greeks and nomads and people from other regions of the Black Sea*» (Petersen 2010: 196).

Статистические данные по комплексам, содержащим каменные «блюда», «плитки» и т.д., косвенно свидетельствуют в пользу определения как женского и маякского захоронения К4. Этому не противоречат и лежавшие там наконечники (к тому же явно не предназначенные для стрельбы). Общеизвестно, что наконечники стрел и другие виды вооружения — не редкость для кочевнических погребений, бесспорно, принадлежавших женщинам (Ольховский 1991: 59). Женским орудием труда у кочевников считалось шило.

Допустив, что в могилах К3-4 погребены «скифянки», и принимая во внимание хронологическую близость (почти синхронность) комплексов К3-4 и Г2, можно предположить, что открыт кочевнический могильник, в котором женщин хоронили на отдельном участке, в стороне от мужчин. Примечательно,

что на расстоянии около 25 м к северо-северо-востоку от погребений К3-4 было выявлено еще одно, также женское (определение антрополога А.А. Хохлова), захоронение (К8). Первоначально не исключалась его принадлежность к эпохе энеолита, однако радиоуглеродные исследования костного материала дали совсем иные даты — вероятнее всего, это захоронение не моложе VI в. до н.э.³⁶ Весь сопроводительный инвентарь покойной сводился к куску красной «краски». Учитывая этот любопытный факт, а также восточную ориентировку скелета, вполне вероятно, что все три погребения (К3, К4, К8) оставлены одной и той же группой «скифов».³⁷

* * *

Итак, открытые в Маяках объекты по ряду показателей сравнимы с памятниками, принадлежность которых, если не ярко выражено кочевническая, то, по меньшей мере, спорная. Совершение погребений К3 и К4 в период жизнедеятельности поселений никонийской хоры делает логичными поиски параллелей и сопоставление публикуемых объектов не только с синхронными греческими комплексами античных некрополей, но и с синхронными захоронениями со спорной атрибуцией, открытыми как непосредственно в самих эллинских городах Северо-Западного Причерноморья, так и на сельскохозяйственной территории полисов. В этом плане внимание привлекают, в первую очередь, приольвийские курганные могильники конца VI — первой половины V вв. до н.э. Интерес к памятникам обусловлен схожим вар-

³⁵ Именно там, судя по расстоянию до Никонийского городища, расположены Маяки.

³⁶ См. статью Э. Кайзер и В.Г. Петренко в этом же выпуске.

³⁷ Еще один любопытный факт: на том же участке памятника Маяки, в 16 м к северо-востоку от п. К4, то есть между К3-4 и К8, исследован разграбленный в древности сарматский комплекс. По сохранившимся костным остаткам это было погребение женщины и грудного младенца или утробного плода (определение К. Липатова).

варским окружением Ольвии и Никония. Более того, в первой половине V в. до н.э. оба полиса находились, видимо, в сфере влияния одной и той же кочевнической группы, во главе которой стояла новая династия скифских «царей» — династия Ариапифа (Виноградов Ю.Г. 1980; он же 1989а: 81-108, 116-121; Алексеев 2003: 218-224).

Дискуссия о культурной принадлежности приольвийских курганных групп длится не одно десятилетие.³⁸ Более объективными представляются авторы, связывающие изначальный генезис нижнебугских памятников с номадами. В рассматриваемый период курган как тип погребального сооружения не был абсолютно чужд эллинам, но и не зауряден. Прослеженные в приольвийских курганах конструктивные (кольцевые ровики в основании курганов) и обрядовые (погребения людей и лошадей в насыпи) особенности, а также некоторые специфические находки³⁹ едва ли кто назовет исконно присущими греческой культуре. Косвенно скифскую принадлежность приольвийских курганных могильников конца VI — первой половины V в. до н.э. подтверждает отсутствие курганов по-

зднеархаического времени в городском, собственно ольвийском, некрополе (Гребенников 2008: 53; Гречко 2010: 117, 128-129). При условии, что для ионийских греков сооружение курганов было бы делом обыденным, появление насыпей (тем более, «герооно»)⁴⁰ следовало бы ожидать, прежде всего, непосредственно в Ольвии, где жили, надо полагать, наиболее знатные семейства из первооселенцев, да и вообще большинство колонистов. Предположение, что в некрополях первой четверти V в. до н.э. у с. Прибугское покоилась греческая знать (Снытко, Липавский 1989), выглядит нелогичным⁴⁰, хотя бы исходя «из неординарности погребальных конструкций и инвентаря в рамках греческой погребальной обрядности на территории ольвийского полиса» (там же: 146).

В качестве важного аргумента в защиту эллинского происхождения нижнебугских памятников, наряду с инвентарем (греческая керамика, отсутствие оружия в части захоронений), приводится восточная ориентировка⁴¹ скелетов в ранних комплексах (Снытко, Липавский 1990: 139-141; Снытко 1992: 91-92; он же 2011: 16).

³⁸ Из последних работ по теме, а также библиографию вопроса см.: Снытко 2011.

³⁹ Как, например, «овальный камень, напоминающий по форме скифские каменные блюда для растирания косметических средств и, очевидно, служивший для этой же цели» и красная краска в женском захоронении аджигольского кургана 1J (Ильинская, Тереножкин 1983: 198); бронзовые жертвенные ножи; форма для отливки бляшки в виде профильной головки пантеры. С.Я. Ольговский резонно указывает, что грекам несвойственно класть литейные формы в погребения. Однако высказанное исследователем предположение о погребении в кургане (безразлично — на родовом ли могильнике кочевников или в эллинском некрополе при поселении) бродячего мастера-металлурга (Ольговский 1995: 29-30) достаточно спорно.

⁴⁰ Даже несмотря на предполагаемую волну новых эпойков, в середине VI века поселившихся в низовья Борисфена и Гипаниса и создавших собственно ольвийскую хору (Виноградов Ю.Г. 1989а: 78-80).

⁴¹ Объективности ради нужно отметить, что положение погребенных «у випростаному стані головою на схід», преобладающее в городах северо-западного Понта, не является ни «характерным давньогрецьким поховальним ритуалом», ни «сталою давньогрецькою традицією» (Снытко 2011: 16, 18). В литературе по истории и археологии античности не раз подчеркивалось отсутствие в греческой культовой и погребальной практике единых, общих для всех греков канонів и установлений.

Действительно, для скифской погребальной обрядности более «традиционным» считается положение умерших головой на запад. Однако удельный вес западной ориентировки покойных не был неизменным, а варьировал в разных регионах степной зоны и в разное время (Мурзин 1982: 53; Бессонова 1990: 27-38; Ольховский 1991: 154-155; Скорый 2003: 49). Восточная ориентировка не является чем-то необычным не только для погребальных комплексов «скифоидной» лесостепи, но нередко встречается и в степной зоне (Черненко 1970: 177-178; Ильинская, Тереножкин 1983: 102-110 и др.). Объяснение этого факта единственно воздействием греческой культуры, допустимое для погребений с «блюдами-жертвенниками» некрополя Ольвии, ставят под сомнение скифские захоронения, открытые в таких областях, которых непосредственное эллинское влияние вряд ли достигало. Определенное распространение данная черта погребального обряда получает в степи именно в период, к которому относятся комплексы из Маяк, — в конце VI — начале V вв. до н.э. (Мурзин 1982: 53). По этому признаку причерноморские степные памятники «перекликаются», как считают скифологи, с захоронениями скифского времени, особенно раннего этапа, Поволжья и Приуралья (Ольховский 1991: 155; Скорый 2003: 49). Во всяком случае, гипотеза о появлении в северопонтийском регионе в составе первой вол-

ны «новых скифов» (вторая половина VI века) кочевников с «восточной традицией» имеет право на существование.

Инвентарь (наконечники стрел, ворворки, украшения) курганных могильников приольвийской группы⁴² относится к материальной культуре «новой Скифии». Для четырех приольвийских некрополей (в тех случаях, когда ориентировка скелета установлена) характерно положение погребенных головой на восток (восточный сектор). В лежащем выше по течению Южного Буга пятом могильнике, у с. Ковалевка, зафиксированы два комплекса (оба впускные в курганы эпохи бронзы) с западной ориентировкой скелетов (Ковпаненко, Бунятян 1978: 137).⁴³

Обобщения данных по обряду трупоположения показывают, что такие признаки, как поза погребенного человека, ориентация головой относительно сторон света, обычно диктовались не половозрастными и социальными различиями умерших, а главным образом, причинами этно-территориального и хронологического порядка (Социальная структура 2005: 165). Если подойти с этих позиций к ситуации в Нижнем Побужье, то из признания приольвийских могильников кочевническими напрашивается заключение о расселении в регионе в конце VI — первой половине V вв. до н.э., по крайней мере, двух групп кочевников. Что они могли собой представлять?

⁴² При согласии с их кочевнической атрибуцией — это «приольвийский локальный вариант скифской степной культуры» (Яценко 1959: 61, 71-75), или «приольвийская группа скифских памятников» (Гребенников, Фридман 1985: 91-92; Гребенников 2008: 53). Не исключено, как уже говорилось, что захоронения «новых скифов» есть и в некрополе самого города — т.н. погребения скифского типа.

⁴³ Расхождение данных у разных авторов (Ильинская, Тереножкин 1983: 110-111; Гребенников 2008: 38; ср.: Гречко 2010: 119-120, табл.1, 127). Ю.С. Гребенников указывает, что 4 комплекса в курганах у с. Ковалевка были с восточной и 2 — с западной ориентировкой.

«Кочевой народ» далеко не всегда представлял собой единый этносоциальный организм, и отдельные его части бывали чаще всего разобщены территориально, экономически и политически. «Кочевой народ» составляют племена, обладающие обычно этническим самоназванием, специфичной этнической структурой, культурных черт, диалектными особенностями. Племена включают, в свою очередь, крупные и мелкие племенные подразделения, составляющие племенную иерархическую структуру» (Марков 1981: 90).

Допустим как вариант одновременного вторжения в причерноморские степи и сосуществования (не всегда мирного?) в Нижнем Побужье двух кочевнических групп, так и вариант асинхронного появления в регионе номадов с диаметрально противоположной ориентировкой

погребенных. Во втором случае более поздними были, очевидно, «западники»⁴⁴, потеснившие позиции «восточной» группы.⁴⁵

Впрочем, не менее вероятно версия, что обе группы были подразделениями одного и того же племени или племенного объединения, — две половинки одной дуальной структуры, экзогамные «фратрии» эндогамного племени, — в иерархии которого «верхнюю ступеньку» занимали «восточники».⁴⁶ Они же (независимо от того, на какой версии остановить выбор) играли, очевидно, ведущую роль во взаимоотношениях кочевников с нижнебугскими греками и извлекали основную выгоду из системы «данничества», существовавшей, как полагают, в виде договора о платной охране эллинских центров определенной группой номадов

⁴⁴ Как косвенное доказательство тезиса можно расценивать рост количества в конце VI — начале V века (ок 519 — 480 гг. до н.э.), по сравнению с периодом 550–520 гг., ольвийских комплексов, в которых скелеты лежали головой на запад (Petersen 2010: 69, fig.2.7; 2.9). Большинство погребенных с западной ориентировкой — дети и подростки, поэтому возможно, что «it could indicate that the orientation of child burials was sometimes approached with a different set of customs than was the general case for adults» (Ibid.). Но не исключено, что фиксирующиеся археологически изменения были следствием перемен в кочевническом мире региона (появление «новых» скифов), сближения и большей взаимозависимости миров «эллинства» и «варварства». Для прояснения ситуации необходима детальная проверка и максимально возможная узкая датировка степных комплексов. Потенциальная перспективность гипотезы лишь улавливается по самым общим данным. Так, погребения с восточной ориентировкой скелета (например, курган №52 у с. Верхнетарасовка, курган №1 у с. Волошского) датируют ранним V веком (Мурзин, Евдокимов 1977; Ильинская, Тереножкин 1983: 102). Относящиеся к среднескифскому времени захоронения, в которых умерших положили головой на запад (например, в могильнике у с. Ковалевка), чаще датируют первой половиной V — V веком (Ильинская, Тереножкин 1983: 110–111; Гречко 2010: 119–120, табл.1).

⁴⁵ По единичным случаям нельзя говорить о закономерности и моделировать ситуацию, но хотелось бы упомянуть как иллюстрацию гипотетического противостояния «восточников» и «западников» (или «новой» степи — «архаической» лесостепи?) погребение у с. Приднепровка вблизи Запорожья (Бодянский 1972: 95–97). Лежавшие слева от скелета наконечники стрел (рис.5, 19–25) близки найденным в Маяках в 1. Г2. Два наконечника, застрявшие в скелете (рис.5, 26–27) и, возможно, послужившие причиной смерти погребенного, кажутся более архаичными (ср. с наконечниками из п. К4), при том, что время бытования всех находок, естественно, совпадает.

⁴⁶ Одним из представительных памятников «переходного» периода в Нижнем Побужье является воинское захоронение у с. Новорозановка, в котором погребенный был уложен головой на восток (Ильинская, Тереножкин 1983: 111).

(Марченко 1999: 155, 157). Именно при такой форме связей между сторонами «скифы — греки» в округе Ольвии в период жизнедеятельности поселений ее хоры могли образоваться кочевнические могильники.

Как бы то ни было, в первой половине V века до н.э. эта кочевническая группа уступает свои позиции в степях Северо-Западного Причерноморья представителям более поздней волны номадов с востока. С последними, очевидно, был связан переход власти в регионе в руки новой династии (Алексеев 2003: 188).

В Днестровско-Карпатских землях погребения с вещами-маркерами (самые распространенные — ворворки и трехлопастные и трехгранные, преимущественно базисные, наконечники стрел) материальной культуры «Новой Скифии» (Алексеев 1992: 109) появились не ранее второй половины VI в. до н.э. Памятники кочевников среднескифского времени представлены здесь одиночными подкурганскими и грунтовыми комплексами или небольшими, как правило, случайно обнаруженными группами грунтовых захоронений.

Наиболее полная сводка опубликованных погребений второй половины VI — середины V вв. до н.э., открытых в регионе, приведена в монографии И.В. Бруяко (2005). На базе имевшейся на тот момент выборки⁴⁷ исследователь констатиру-

ет типичность в VI — середине V вв. до н.э.:

- для Пруто-Карпатской области — бескурганного погребального обряда, наличия среди инвентаря меча, наконечников стрел⁴⁸, иногда керамики;

- для Бессарабии и правобережья нижнего Днестра — скифских захоронений в курганах (Бруяко 2005: 160).

Выявленные в Маяках объекты не подтверждают такое разделение региона. Параметры «воинского» погребения Г2 (как и «подкурганного» погребения 1975 г. и захоронения К4) полностью укладываются в данную комплексам Пруто-Карпатской области характеристику, в равной степени применимую, очевидно, не только к левобережью, но и ко всему Нижнему Поднестровью. Иллюстрацией тому может служить давно известный могильник, который до последних лет вообще не считался кочевническим — Данчены. На этом же некрополе прослеживается деление номадов конца VI — начала V вв. до н.э. на две группы по признаку ориентировки погребенных, отмеченное выше для Нижнего Побужья.

Многослойный памятник Данчены расположен на высоком плато коренного правого берега реки Ишновец (впадает в правый приток Днестра р. Бык). К раннему железному веку в Данценах относятся 42 погребения (среди них как ингума-

⁴⁷ Более поздняя и, возможно, более полная выборка содержится в диссертации В.С. Синики «Погребальные памятники скифской культуры конца VII — начала III вв. до н.э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей». В доступном мне электронном варианте автореферата период, представляющий интерес в связи с публикуемыми здесь комплексами, отдельно не рассматривается.

⁴⁸ Типичный набор и для погребений с оружием в архаическом некрополе Ольвии, в отличие от синхронных комплексов боспорских городов, для которых, по данным Н.И. Сударева, обычнее меч и копье (Гречко 2010а: 54), что косвенно свидетельствует о меньшем в тот период влиянии на Боспоре «скифоидной» культуры и самих кочевников.

ции, так и кремации). Опубликовавший их В.Л. Лапушнян интерпретировал эти комплексы как раннегетский биритуальный могильник конца VI – начала IV вв. до н.э., в котором прослеживается скифское влияние (Лапушнян 1979: 58-60).

И.В. Бруяко и М.Е. Ткачук считают, что своеобразие памятника Данчены, сочетающего в себе признаки фракийской и скифской погребальной обрядности, объясняется скифо-фракийским синкретизмом культуры создавшего могильник населения (Бруяко, Ткачук 1992; Бруяко 2005: 163-164). Им возражает С.И. Андрух, полагаящая, что в начальный период скифо-фракийских взаимоотношений не может идти речь о каком-либо синкретизме, так как на этом этапе наблюдается конфронтация скифов и фракийцев, вызванная экспансионистской политикой кочевников (Андрух 2000: 66-67). Возможно, «точку» в споре ставит А.Н. Левинский (Левинский 2005-2009; он же 2010). Пошаговый анализ материалов из раскопок Данчен приводит кишиневского исследователя к интересному и, представляется, убедительному выводу: памятник раннего железного века, воспринимавшийся как нечто единое, состоит из двух одновременных и разноэтнических, «севших» один на другой — раннегетский на скифский — могильников (Левинский 2010: 75-78). По опубликованному В.Л. Лапушняном плану (Лапушнян 1979: 52, рис.13), А.Н. Левинский выделяет в раннегетском могильнике два скопления примерно одновременных и принадлежавших, по-видимому, одной группе населения погребений (Левинский 2005-2009: 164-165). Соглашаясь с трактовкой горизонта комплексов с кремацией, труднее принять предположение о синхронности совершения ингумаций.

Из 15 погребений скифского типа ориентировка скелета определена для 12 комплексов: в 10 — умершие были уложены головой на восток и юго-восток, в двух — на запад и северо-запад (Лапушнян 1979: 57). К сожалению, не все описываемые в монографии захоронения нанесены на план, из-за чего не всегда понятно, как погребение, о котором идет речь, соотносится с другими.

Скифские могилы рассредоточены по всей площади раскопа (рис.5, 1). Об их примерной синхронности можно говорить, лишь опираясь на сходство погребальных сооружений и сохранившийся в некоторых захоронениях инвентарь, представленный, главным образом, наконечниками стрел.

По-видимому, практически одновременны комплексы 129, 149, 139. Они располагались в ряд, по линии восток — запад, на расстоянии около 6-9 м друг от друга; все три — в подпрямоугольных ямах с деревянно-глинобитным перекрытием. Для двух крайних установлена ориентировка скелетов — юго-восточная. Одинаковое отклонение к югу служит косвенным доказательством совершения погребений в один и тот же сезон. Еще один комплекс, № 73, со сходным, но меньшим по размерам погребальным сооружением (яма с деревянно-глинобитным перекрытием) и диаметральной противоположной ориентировкой скелета (головой на северо-запад) находился в 20 м к северо-западу от погребения 129.

Погребения №№ 43 и 180 — простые прямоугольные ямы, восточная с небольшим отклонением к югу ориентировка скелетов, — выявлены соответственно у западной и восточной границ раскопа.

В погребениях 73, 43, 139 и 180 обнаружены наконечники стрел (рис. 5, 2-15), по которым эти ком-

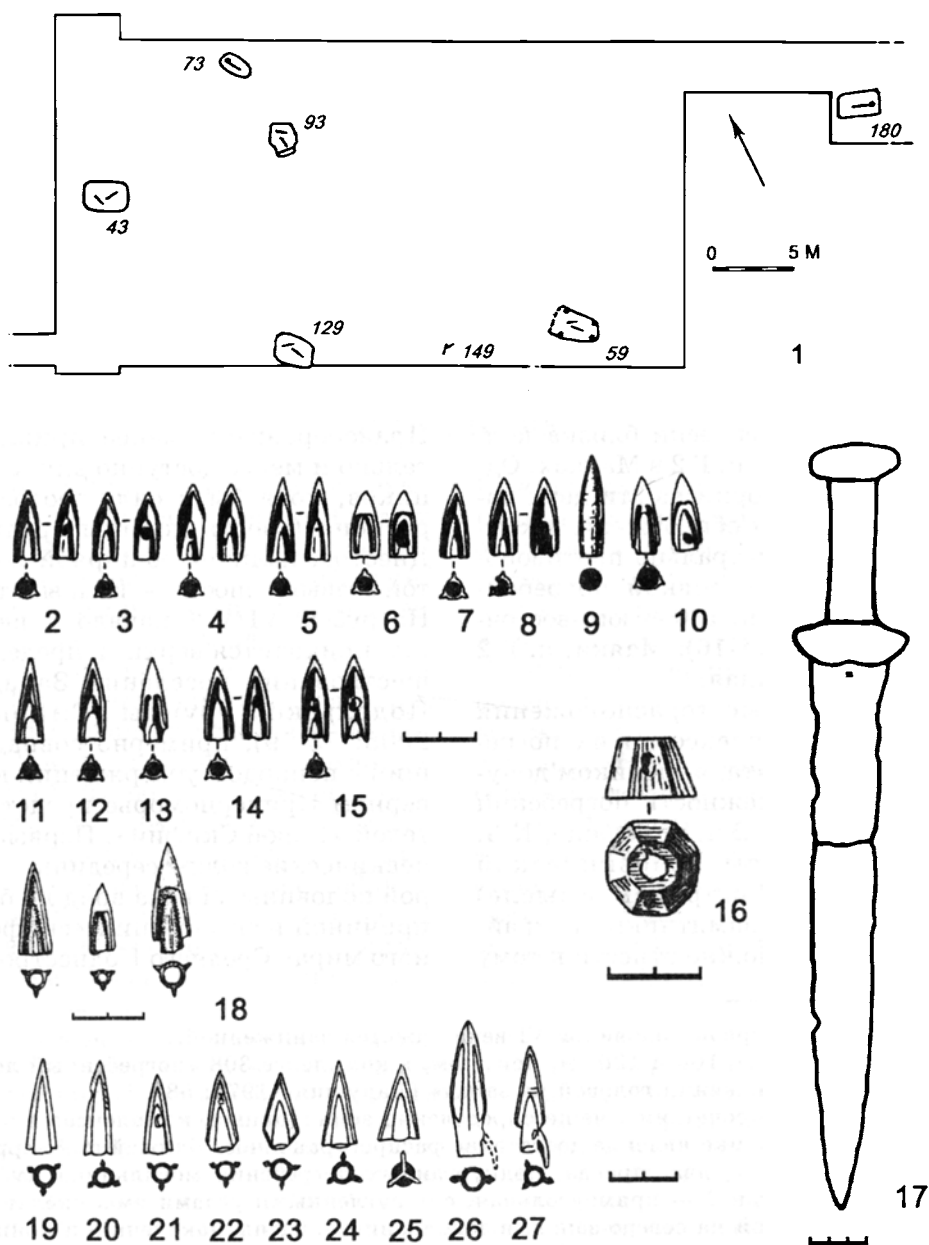

Рис. 5. Сравнительный материал:

1-16 — могильник Данчены

(1 — план участка скифских захоронений, 2-9 — погр.73;

10 — погр.43; 11-16 — погр.180);

17-18 — инвентарь погребения у с. Суручену;

19-27 — инвентарь погребения у с. Приднeпровка вблизи Запорожья
(1-18 по: Лапушнян 1979: рис.6, 1-8, 13-20; рис.44; 19-27 по Бодянский
1972: 95-97).

плексы, а также, очевидно, 129 и 149, могут быть датированы концом⁴⁹ VI – началом V вв. до н.э. (Лапушнян 1979: рис.6, 1-8, 13-20).

Однако ничто не удостоверяет синхронность данченских захоронений в ямах (43, 73, 129, 139, 149, 180) и в подбоях (93, 308). Иной тип погребального сооружения, малая длина подбоя⁵⁰ (дети?) склоняют к мнению о более поздней дате (середина – вторая половина V в. до н.э.) этих объектов.⁵¹

Выборка наконечников стрел из Данчен типологически близка колчанному набору п. Г 2 в Маяках. Одного типа ворворки на эти двух памятниках были обнаружены в комплексах с диаметрально противоположной ориентировкой погребенных: Данчены, п. 180 — юго-восточная (рис.5, 1, 11-16); Маяки, п. Г 2 — северо-западная.

Исходя из месторасположения маякских комплексов и их погребального инвентаря, целиком допустима принадлежность погребений (несомненно, Г 2 и, возможно, К 3, К 4) носителям кочевнической (скифской, в широком смысле) культуры. Эти памятники (по крайней мере, Г2) можно отнести к тому

же хронологическому и культурному горизонту, что и погребения в Данченах (№№ 43, 73, 129, 139, 149, 180) и Сурученах.

Каким путем пришли «новые» скифы в Нижнее Поднестровье: через степь или же, пройдя до Среднего Днестра по верхнему, лесостепному пути своих предшественников, спустились вниз? Предпочтительнее выглядит первый вариант (см.: Скорый 2006:159). Среднее Поднестровье, по сравнению, например, с днепровским лесостепным Правобережьем, менее привлекательно и менее доступно для кочевников, хотя бы в силу географии региона (узость долины среднего Днестра, наличие обширной лесистой возвышенности — Кодры и т.д.). На рубеж VI/V – начало V вв. до н.э. приходится верхний предел существования поселений Западно-Подольской группы (Смирнова 2006: 78-79), примерно совпадающий с периодом утверждения в Северном Причерноморье представителей «Новой Скифии». Первые кочевнические волны середины – второй половины VI века вряд ли были причиной исчезновения «скифоидного мира» Среднего Поднестровья,

⁴⁹ Датировка первой половиной VI века кажется заниженной.

⁵⁰ Соответственно 100 и 120 см, при этом, в комплексе 308 «погребенный лежал в вытянутом положении головой на запад» (Лапушнян 1979: 58).

⁵¹ Аналогичное сочетание, чаще определено асинхронных, комплексов в одном и том же могильнике явление достаточно распространенное. Ближайший территориально пример — два, правда, подкурганых погребения могильника Кубей в Подунавье. Курган 7 — прямоугольная, с округленными углами яма, скелет ориентирован головой на северо-запад, в заполнении найдены наконечники конца VI – начала V вв. до н.э. (Субботин и др. 1992: рис.7, 18-20). Курган 12 (как и данченские комплексы это — погребение с ориентированной широтно входной ямой и расположенным вдоль ее северной стороны подбоем) по обнаруженному инвентарю не может быть датирован раньше, чем второй половиной V века до н.э. (Субботин и др. 1992: 9). Или, например, три скифских кургана у с. Шевченко в северо-восточном Приазовье: погребения в ямах, восточная ориентировка скелетов — к.10 (гр. 1) и к.1. (гр. 2); подбойное погребение, западная ориентировка скелетов — к.3 (гр. 1) (Зарайская, Привалов 1992).

Хотя подбой известны и в раннескифское время, но в Нижнем Поднестровье для периода «Новой Скифии» представляются все же более поздним, чем простые ямы, типом погребального сооружения.

сформировавшегося еще в середине VII столетия.⁵²

Перечисленные комплексы (Маяки, Данчены, Суручены), предположительно, оставлены номадами первой (первых?) «новой» волны, обитавшими во второй половине/конце VI – первой трети V вв. до н.э. в Нижнем Поднестровье и контролирующими регион. Эти памятники примерно синхронны приольвийским курганам, и не исключе-

но, что нижнеднестровская кочевническая группа была лишь частью более крупного объединения, «охранявшего» греческие полисы Северо-Западного Причерноморья.

В перспективе можно рассчитывать на открытие в районе Маяк новых погребений раннего железного века, которые возможно помогут более четко определиться с культурной атрибуцией описанных в данной статье объектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние десятилетия в науке все больше сторонников приобретает точка зрения, согласно которой история причерноморской Скифии делится на два основных, генетически между собой не связанных, периода: VII – VI вв. до н.э. и V – IV вв. до н.э. Переход от одного периода к другому (последние десятилетия VI – начало V в. до н.э.), смена «архаики» «классикой» обусловлены неоднократным притоком в Северное Причерноморье новых групп кочевников с востока (Алексеев 1992; он же 2003).

Пришедшие первыми⁵³ «новые» кочевники разделились: одни ушли далее на запад, другие остались в

Причерноморье. Последним свое право на жизнь в регионе пришлось отстаивать у базировавшихся в лесостепи старожилов, а, возможно, и у греческих колонистов побережья.⁵⁴ С наследниками Архаической Скифии отношения были урегулированы не совсем мирным путем, но все же довольно скоро. Во всяком случае, когда в конце VI в. до н.э. в северопонтийские земли вторглось войско Ахеменидов, борьбу скифов с персами возглавлял все еще представитель прежней династии, правитель «великого царства» Идандирс (Herod. IV, 76, 120). По описанию событий Отцом Истории (ibid.,

⁵² Самый молодой из опубликованных погребальных памятников Западной Подольи, — курган у с. Верхние Паневцы в поречье Смотрича, — датирован авторами раскопок второй половиной VI — рубежом IV вв. до н.э. (Винокур, Хотюн 1965: 118-121). Похожие по описанию на западноподольское (яма с сооруженной над ней каменной вымосткой) погребения открыты в степном Поднепровье: например, захоронения в кургане №25 около с. Кичкас и кургане на о. Дубовом в Запорожской области (Ильинская, Тереножкин 1983: 96). Оба комплекса датируют V в. до н.э. С учетом этой даты и западной ориентировки скелетов в степных погребениях, для кургана у с. Верхние Паневцы предпочтительнее представляется датировка рубежом IV или ранним V в. до н.э. (Ильинская, Тереножкин 1983: 299). Судя по этому комплексу, «новые» кочевники, но не первой волны, побывали на Среднем Днестре, однако в силу каких-то обстоятельств надолго там не задержались. Население западно-подольской «Старой Скифии», возможно, переместилось в лежащие западнее земли.

⁵³ Последствия похода Кира?

⁵⁴ Во второй половине VI в. до н.э. замирает жизнь на Таганрогском поселении; нападения и пожары в середине – второй половине столетия переживают боспорские города (Алексеев 2003: 165). На среднескифский период приходится наибольшее количество городищ в Правобережной лесостепи; к этому же времени относятся и отмечаемые археологами разрушения лесостепных поселений Правобережья (Бессонова, Ковпаненко, Скорый 1989: 19-20; Скорый 2003: 203).

126-127), верховенство этого «царя скифов», признавали и другие «цари», и все «скифы». Очевидно, новоприбывшие, повлияв на материальную культуру «старой Скифии», не разрушили, а «встроились» в уже существовавшую в Северном Причерноморье племенную структуру⁵⁵, на верхней ступени иерархической лестницы которой находился род Иданфирса.

В лесостепной зоне «ставкой» «новых скифов» во второй половине – конце VI в. до н.э. стало, по видимому, Днепровское Левобережье; часть «новых» кочевнических групп обосновалась в степи, в частности, в Нижнем Побужье и Поднестровье. «Старая Скифия», видимо, уже не была достаточно сильной, чтобы сохранить абсолютный контроль над всей прежней территорией и добровольно или вынуждено уступила, по крайней мере, часть степи пришельцам. Рождающейся «Новой» еще не хватало сил (или не было стремления) захватить господство в регионе.⁵⁶

Некоторые сведения дают возможность гипотетически реконструировать и взаимоотношения между «новыми скифами» и греческими

городами, по крайней мере, Северо-Западного Причерноморья. С момента своего основания Борисфен и Ольвия налаживают торговые связи с лесостепью. Если предполагаемый конфликт греков со скифами из-за насильственного нарушения последними связей между колониями и лесостепью действительно имел место, причем в первой половине – середине VI века (Кузнецова 1992: 22-23; она же 2001: 143), в роли конфликтующей стороны должны были выступать «старые скифы» лесостепи. Появление «новых» и заключение с ними договора (даже на не очень паритетных началах) об охране полиса и, например, сопровождении купцов позволяло греческим городам извлечь для себя определенную выгоду. Правда, нет уверенности, что упомянутый скифо-эллинский конфликт не произошел во второй половине VI века (Алексеев 2003: 157), то есть между греками и «младоскифами». В таком случае, его результатом, надо полагать, и явился «протекторат» — защита от других кочевников (Марченко 1999: 155) — над Ольвией.

Во второй половине – конце VI в. до н.э. первая кочевническая волна

⁵⁵ Геродот упоминает трех «царей» и три царства (Herod. IV, 76, 120, 126-127).

⁵⁶ Можно обозначить, по крайней мере, один гипотетический маркер этой «промежуточной», «переходной» волны кочевников — крестовидные бляхи с зооморфными композициями. Большинство находок этой категории в Северном Причерноморье происходят из Левобережной лесостепи, где, возможно, их и изготавливали (Ольговский 1995; Полидович 2000: 39-40). Ольвийскую бляху, также гипотетически, допустимо соотнести с союзными полису кочевниками.

Именно «промежуточность» и, вероятно, относительная немногочисленность носителей соответствующей традиции в Северном Причерноморье объясняет факт короткого периода изготовления (?) и бытования блях (и зеркал?) «ольвийского типа» в регионе. Появившись в VI в., они существовали «относительно недолго, но дожили до V в. до н.э.» (Алексеев 2003: 202-203). Лучше и дольше эти изделия представлены западнее, в частности, в культуре Сентеш-Векерзуг (Chochorowski 1985: 84-85, Abb. 24, A2). О большей роли и укоренении носителей традиции в западном ареале распространения данных артефактов свидетельствует не только количество найденных там блях, но и эволюция их ранних типов — упрощение иконографии при сохранении общей «схемы» и, по-видимому, семантики.

Отход от теории постепенной эволюции причерноморской Скифии актуализирует тему «двух скифоидных культур» в Средней Европе.

будущей «Классической Скифии» докатилась и до Нижнего Поднестровья. Кочевое скотоводство как основа культурно-хозяйственного типа не автаркично (Марков 1981: 85; Мошкова 1994: 95). И тяготение номадов к бассейну Днестра определялось, по-видимому, не только оптимальной для местных природных условий «меридиональной» формой кочевания, но и расположением в низовьях Тираса «центров притяжения» для скотоводов-кочевников всех эпох — очагов оседлости. В этом плане для прибывших в днестровские земли скифов наиболее привлекательными были Никоний и поселения его округи.

Начальный период существования города и приход в Нижнее Поднестровье «новых скифов» примерно совпали. Никоний был основан в последних десятилетиях VI века, а уже к концу этого столетия — в 90-х гг. следующего никонийцы осваивают весь левый берег нижнего Тираса (Охотников 1990: 66-68). Несмотря на предполагаемую немногочисленность номадов в регионе, нижнеднестровские греки вряд ли были

в состоянии не считаться с кочевниками. В этой ситуации отношения колонистов и скифов могли развиваться по нижнебугскому сценарию. Допущение вполне вероятное, учитывая, что и в «переходную», и в «классическую» эпохи степи Северо-Западного Причерноморья, скорее всего, являлись владениями одного племени (или племенной группы). Поначалу «исконная» Скифия — от Дуная до северо-восточного Крыма — была, по-видимому, территорией «великого царства» рода Иданфирса. В переходный между «Архаической» и «Классической» Скифиями период, в степях Северо-Западного Причерноморья, судя по количеству известных погребальных памятников, обитали сравнительно небольшие группы «новых» кочевников. Одной из них была приднестровская. По погребальным памятникам, как и в Нижнем Побужье, в структуре кочевавших на этих землях скифов просматриваются две основные составляющие — два племенных подразделения, дробившиеся на более мелкие.⁵⁷ Поднестровье было хоть и не самой крайней⁵⁸, но все же периферией, что объясняет сравнитель-

⁵⁷ Не были ли отчасти акинаки, случайно найденные в этом регионе (сводку см.: Бруяко 2005: рис.37; 42, б), своего рода межевыми знаками семейных (семейно-родовых) кочевий, некогда венчавшими располагавшиеся на границах святилища Ареса?

⁵⁸ Особое место в скифской теме принадлежит Добрудже. Практически одновременно с основанием греками на побережье Истрии, на севере исторической области возникли поселение и могильник Челик-Дере. На этих памятниках, кроме характерного для данной территории материала, обнаружены вещи явно восточного, «скифоидного» происхождения (Мелюкова 2001: 26). От Геродота мы знаем, что уже в ранний период Скифия была разделена между родами или племенными объединениями кочевников на три части. Возможно, по «политическим интересам» поделены были и античные центры. Для Правобережной лесостепи таким контрагентом стали сначала Березань, а потом и Ольвия, а для Среднего Поднестровья — Истрия. Поэтому, соглашаясь с мнением С.А. Скорого (2006: 158) о притоке в конце VI в. до н.э. в Добруджу кочевников из Левобережной Днепровской лесостепи, полагаю, что изначальное формирование «скифоидного» могильника у Челик-Дере все же связано с Западно-Подольской группой (Бруяко 2005: 166).

Насколько можно судить по опубликованным материалам, в некрополе у Челик-Дере, где фиксируются вещи конца VI — начала V вв. и V века до н.э., есть и погребения примерно того же времени. Из-за фракийского окружения роль кочевников в жизни Истрии, по-видимому, не была столь значительной, как в жизни Ольвии и Никония. Но все же существует вероятность того, что в «переходный период» договор «о ненападении» был заключен и между кочевниками и «метрополией» Никония Истрией.

ную скромность кочевнических погребений в регионе. Таким образом, не исключено, что исследованные в Маяках погребения (КЗ-4, Г2) могли принадлежать «союзным» Николию кочевникам.

Приблизительно со второй четверти V века в Северо-Западном Причерноморье произошли изменения, последствия которых фиксируются и археологами античности, и скифологами: замерла жизнь на большинстве поселений хоры греческих полисов, умножилось количество кочевнических погребений, появились курганы скифской знати и новые, собственно скифские могильники. Среди причин, вызвавших запустение хоры, убедительной представляется военная угроза для эллинов со стороны кочевников. Однако маловероятно, чтобы активность номадов возросла лишь из-за «роста национального самосознания» как следствия победы над персами. Намного более реалистичными представляются гипотезы о повторном, возможно, неоднократном притоке кочевнических групп с востока.

Проследив тенденции изменения количества погребений с оружием в некрополях Боспора в VI – V вв. до н.э., А.А. Завойкин и Н.И. Сударев пришли к любопытным выводам. Примерно с рубежа VI/V и до второй четверти V вв. до н.э. военно-политическая обстановка к западу и востоку от Керченского пролива складывалась различно. При относительной «стабильности» в Восточном Крыму, значительно более напряженной (особенно в первой четверти V века) была ситуация

на Тамани. Но во второй четверти V в. уже «оба региона подверглись военному нападению (-иям), следы которого (-ых) фиксируются на ряде поселений. В это же время в городах Европейского Боспора (Тиритака, Мирмекий, Пантикапей) возводятся крепостные сооружения ... Следствием этого военного конфликта, вероятно, стало торможение процесса освоения сельских территорий во второй половине V в. до н.э.» (Завойкин, Сударев 2006: 130). Аналогичная картина наблюдается и в северо-западной части причерноморской степи.

Перечисленные факты подтверждают предположение об очередной кочевнической волне с востока. Под давлением пришельцев «скифы», обитавшие в регионе во второй половине/конце VI – начале V вв. до н.э., частично могли уйти или влиться в новые родоплеменные образования, частично перейти к оседлости. Возможно, отмеченные В.С. Ольховским локальные особенности (распространенность простых ям, бескурганых захоронений и восточной ориентировки скелетов) погребальных памятников конца V – IV вв. до н.э. приднестровской (и приольвийской) группы — это не только результат греческого влияния (Ольховский 1991: 167-169), но и «остаточные явления» предыдущего периода⁵⁹.

С волной номадов начала V в. до н.э. следует связывать переход власти в Северо-Западном Причерноморье в руки новой династии, родоначальником которой стал Ариапиф. Имеющаяся на рубеже VI – V вв.

⁵⁹ Это замечание можно отнести и на счет некоторых других северопонтийских греческих центров, в некрополях которых скифологи выделяют кочевнические захоронения конца VI – V вв. до н.э. В V в. до н.э. в степном Причерноморье в целом наблюдается рост доли западной ориентировки погребенных. В Крыму западное положение скелета распространено даже шире, чем в степях севернее Перекопа, однако из среднестатистических по региону показателей резко выбивается группа захоронений кочевнической знати в нимфейском некрополе. Погребенные там «скифы» уложены, как правило, головой на восток (Ольховский 1991: 154-155).

лакуна в скифской династической истории, очевидно, объясняется «в том числе и разрывом культурных и исторических (а, отчасти, также и этнических) связей» (Алексеев 2003: 188). Но не обязательно, как полагает А.Ю. Алексеев, что сведения о древней скифской царской династии восходят только к местной греческой традиции.

Номады все свои группы (независимо от их величины — небольшая группа семей /племя/ группа племен) рассматривали как результат сегментации одной первоначальной семьи. Подобные представления, независимо от реального или вымышленного родства составляющих кочевой группы, обосновывали племенную общность в форме генеалогического родства и единства происхождения. В реальности племена представляли собой сложные этнические образования, формировавшиеся исторически. Объединявшиеся разнородные группы искусственно возводили свою генеалогию к единому, часто мифическому, предку, что приво-

дило к возникновению представлений о единстве и «родстве». Генеалогическое родство служило идеологической формой реального политического, военного, хозяйственного единства и прочих связей (Марков 1976: 310-311).

По признанию самого Геродота (IV, 76,6), информация о «Старой Скифии» была получена им от Тимна, доверенного лица царя *новой* династии Ариапифа. Геродот действительно ничего не пишет о родственных связях Ариапифа и Иданфирса (Алексеев 2003: 188). Однако «Отец Истории» ничего не говорит и о прерывности существования Скифии в Северном Причерноморье и постоянно увязывает древнюю линию Спаргапиф — Иданфирс и линию Ариапифа, сравнивая и сопоставляя истории жизни представителей двух родов. Создается *впечатление*, что Ариапиф и его преемники наследовали Иданфирсу и по праву стали «царями» Скифии. С династией Ариапифа связана новая страница в истории Северо-Западного Причерноморья.

Литература

- Алексеев А.Ю. 1992. Скифская хроника. (Скифы в VII–IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк). СПб.
- Алексеев А.Ю. 2003. Хронография Европейской Скифии VII – IV вв. до н.э. СПб.
- Андрух С.И. 2000. «...Смешанные с фракийцами скифы» // ВДИ. №3.
- Бессонова С.С. 1984. О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. К.
- Бессонова С.С. 1990. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. К.
- Бессонова С.С. 1991. Об элементах скифского обряда в архаическом некрополе Ольвии // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея). Херсон.
- Бессонова С.С., Скорый С.А. 1986. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // СА. №4.
- Бодяньский О.В. 1972. Скифське поховання поблизу Запоріжжя // Археологія. 7.
- Бруяко И.В. 2004. Процессы культуругенеза в Причерноморско-Карпатском регионе в раннем железном веке (первая половина I тысячелетия до Р.Х.). Автореферат дисс. ...докт. ист. наук. СПб.
- Бруяко И.В. 2005. Ранние кочевники в Европе (X – V вв. до Р.Х.). Кишинев.

- Бруяко И.В., Ткачук М.Е. 1992. Бессарабия VII – I вв. до Р.Х. Цикл кросскультурных диалогов // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. ТДК. Запорожье.
- Бруяко И.В., Назарова Н.П., Петренко В.Г. 1991. Древние культурные ландшафты на юге Тилигуло-Днестровского междуречья по данным аэрофотосъемки // Северо-западное Причерноморье — контактная зона древних культур. К.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К. 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху: опыт периодизации истории // СА. №1.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К. 1995. Греки и скифы в Северо-Западном Причерноморье в V в. до н.э. // ВДИ. №1.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К. 2005. Периодизация истории Северного Причерноморья в скифскую эпоху // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.
- Виноградов Ю.Г. 1980. Перстень царя Скила. Политическая и династическая история скифов первой половины V в. до н.э. // СА. №3.
- Виноградов Ю.Г. 1989. Ольвиополиты в северо-западной Таврике // Древнее Причерноморье: Чтения памяти профессора П.О. Карышковского. Одесса.
- Виноградов Ю.Г. 1989а. Политическая история Ольвийского полиса VII – I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. М.
- Винокур I.C., Хотин Г.М. 1965. Скифський амулет // Археологія. Т.19.
- Гаврилюк Н.А. 1989. Домашнее производство и быт степных скифов. К.
- Ганіна О.Д. 1958. До питання про жіночі поховання з зброєю скифського часу // Праці Київського державного історичного музею. Вип.1. К.
- Гребенников С.Ю. 2008. Киммерийцы и скифы степного Побужья. Николаев.
- Гречко Д.С. 2010. Курганы конца середины вв. до н.э. Нижнего Побужья: греки или скифы? // Древности 2010. Вып.9. Харьков.
- Гречко Д. 2010а. Некоторые вопросы изучения архаического некрополя Ольвии Понтийской // Revista arheologică. S.N. Vol. VI. Nr.2. Chişinău.
- Дашковский П.К. 1999. Некоторые проблемы и направления изучения скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии №4. Горно-Алтайск.
- Дергачев В.А., Савва Е.Н. 2001/2001. Исследование курганов в окрестностях сел Мерень и Кирка // Stratum plus. №2. СПб. – Кишинев – Одесса – Бухарест.
- Дигар Ж.-П. 1989. Отношения между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
- Дзис-Райко Г.А. 1963. О некоторых итогах разведки левобережья низовьев Днестра и Днестровского лимана // КСОАМ за 1961 г. Одесса.
- Евдокимов Г.Г., Мурзин В.Ю. 1984. Раннескифское погребение с оружием из Херсонской области // Вооружение скифов и сарматов. К.
- Еременко В.Е. 1997. Относительная и абсолютная хронология европейской Скифии: взгляд со стороны // STRATUM + Петербургский археологический вестник
- Ефимова С.Г. 2000. Соотношение лесостепных и степных групп населения европейской Скифии по данным краниологии // Скифы и сарматы в VII – III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.
- Завойкин А.А., Сударев Н.И. 2006. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспор // ДБ. №9.
- Зарайская Н.П., Привалов А.И. 1992. Скифские памятники Шевченковского могильника // Донецкий археологический сборник. №2. Донецк.
- Зиньковский К.В., Патокова Э.Ф. 1978. Исследования Маякского могильника в 1974 г. // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.
- Зув В.Ю. 1996. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.
- Ильинская В.А. 1968. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). К.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. 1983. Скифия VII – IV вв. до н.э. К.

- Капошина С.И. 1950. Погребение скифского типа в Ольвии // СА. XIII.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. 2003. Скифская эпоха горного Алтая. Часть II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул.
- Ковалева И.Ф. 1996. Кому принадлежали срубные погребения с бронзовыми иглами и шильями // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). ТДК. Т.1. Донецк.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). К.
- Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е. П. 1978. Скифские курганы у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. К.
- Кузнецова Т. М. 1992. Греко-скифские отношения в период архаики // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Ч.1. Новочеркасск.
- Кузнецова Т.М. 2001. Исторические персонажи и скифские курганы // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Ч. 2. СПб.
- Лапушнян В.Л. 1979. Ранние фракийцы X – начала IV вв. до н.э. в лесостепной Молдавии. Кишинев.
- Левинский А.Н. 2005-2009. К вопросу о погребальном обряде и обрядности у гетов Днестровско-Прутского междуречья (VI – IV вв. до н.э.) // Stratum plus. №3. СПб. – Кишинев – Одесса – Бухарест.
- Левинский А.Н. 2010. История гетов в лесостепи Юго-Восточной Европы (конец – вторая половина вв. до н.э.) // Stratum plus. №3. СПб. – Кишинев – Одесса – Бухарест.
- Левицкий О.Г., Кашуба М.Т. 2009. О культурных традициях в погребальной обрядности населения, проживающего на западных рубежах архаической Скифии (источники, проблематика) // Эпоха раннего железа. Киев – Полтава
- Марков Г.Е. 1976. Кочевники Азии. М.
- Марков Г.Е. 1981. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // СЭ. №4.
- Марсадолов Л.С. 1985. Хронология курганов Алтая (VIII – IV вв до н.э.). Автореферат дис... к.и.н. Л.
- Марченко К.К. 1999. К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье V – IV вв. до н.э. (Сельские поселения Нижнего Побужья) // Stratum plus. №3. СПб.; Кишинев; Одесса.
- Марченко К.К. 2005. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья скифской эпохи // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.
- Медникова М.Б. 2000. Жизнь ранних скифов: реконструкция по антропологическим материалам могильника Новозаведенное II // Скифы и сарматы в VII – III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.
- Мелюкова А.И. 1964. Вооружение скифов // САИ. Выпуск Д1-4. М.
- Мелюкова А.И. 2001. Новые данные о скифах в Добрудже (к вопросу о «старой Скифии» Геродота) // РА. №4.
- Михайлов Ю.И. 1999. Семантика зернотерок и пестов в погребальных и ритуальных комплексах IX-VII вв. до н.э. Саяно-Алтайского нагорья // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Мошкова М.Г. 1994. К вопросу о природе сходства и различия в культурах кочевников Евразийских степей I тыс. до н.э. // ВДИ. №1.
- Мошкова М.Г. 2000. Назначение каменных «жертвенников» и «савроматская» археологическая культура // Скифы и сарматы в VII – III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.
- Мурзин В.Ю. 1982. Погребальный обряд степных скифов в VII – V вв. до н.э. // Древности степной Скифии. К.
- Мурзин В.Ю. 1990. Происхождение скифов: Основные этапы формирования скифского этноса. К.

- Мурзин В.Ю., Евдокимов Г.Л. 1977. Раннескифское погребение у с. Верхнетарасовка // Курганы юга Днепропетровщины. К.
- Носова Л.В. 2009. Импорт изделий или «импорт» традиции (в связи с новыми находками «иллирийских булавок» в Северо-Западном Причерноморье) // МАСП. Вып.9.
- Ольговский С.Я. 1995. Походження хрестоподібних блях скифського часу // Археологія. №2.
- Ольховский В.С. 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М.
- Ольховский В.С. 2004. Хозяйство и материальная культура скифов Крыма (кон.VII – IV вв. до н.э.) // У Понта Евксинского (памяти Павла Николаевича Шульца). Симферополь.
- Охотников С.Б. 1978. Исследования античных поселений в Нижнем Поднестровье // АО 1977 года. М.
- Охотников С.Б. 1983. Археологическая карта Нижнего Поднестровья в античную эпоху (VI – III вв. до н.э.) // МАСП. К.
- Охотников С.Б. 1990. Нижнее Поднестровье в VI – V вв. до н. э. К.
- Охотников С.Б. 1997. Феномен Никония // Никоний и античный мир Северного Причерноморья (тезисы). Одесса.
- Папанова В.А. 2006. Урочище «Сто могил» — некрополь Ольвии Понтийской. К.
- Патоква Э.Ф., Зиньковский К.В. 1976. Отчет об охранных раскопках Одесского археологического музея АН УССР у с. Маяки в 1975 г. // Архив ОАМ НАНУ. — № 86181.
- Патоква Э.Ф., Дзиговский А.Н., Зиньковский К.В. 1982. Сарматские погребения Маякского могильника // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К.
- Петренко В.Г. 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V – III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д.1-4.
- Петренко В.Г., Носова Л.В. 2007-2008. Отчет об охранных исследованиях городища и могильника Маяки // Архив ИА НАНУ.
- Подобед В.А., Цимиданов В.В. 2009-2010. Погребения с шильями и иглами в культурах Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени (степь и лесостепь) // Донецкий археологічний збірник. № 13/14.
- Полідович Ю.Б. 2000. Скифські хрестоподібні бляхи // Археологія. №1.
- Русева А.С. 1992. Религия и культы античной Ольвии. К.
- Сергеев Г.П. 1961. Погребение скифского воина // Тр. ГИКМ за 1960 г. Кишинев.
- Синика В.С., Алемша А.Н. 2000. Женские погребения с оружием позднескифского могильника у с. Глиное // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Тирасполь.
- Синика В.С. 2002. Ритуальная плитка как элемент скифской погребальной обрядности (по материалам курганных памятников Северо-Западного Причерноморья) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону.
- Синицын М.С. 1966. Раскопки городища возле с. Роксоланы Беляевского района Одесской области в 1957-1961 гг. // МАСП. Вып.5.
- Скорый С.А. 1997. Стеблев: Скифский могильник в Поросье. К.
- Скорый С.А. 2003. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). К.
- Скорый С.А. 2006. Ранние скифы в Добрудже: историография проблемы и археологические реалии // Древности скифской эпохи. МИАР. №7.
- Скуднова В.М. 1945. Кольцеобразные сосуды с перекидной ручкой из Ольвии // ТОАМ. (Т).1. Л.
- Скуднова В.М. 1988. Архаический некрополь Ольвии. М.
- Смирнов К.Ф. 1964. Савроматы. М.
- Смирнов К.Ф. 1968. Бронзовое зеркало из Мечетсая // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Смирнова Г.И. 1993. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме // РА. №3.

- Смирнова Г.И. 2006.** Западно-Подольская группа раннескифских памятников в свете исследований к концу XX столетия // Древности скифской эпохи. МИАР. №7.
- Снытко И.А. 1992.** Марицынский могильник в свете новых исследований в Нижнем Побужье // Киммерийцы и скифы. ТД международной конференции памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь.
- Снитко І.О. 2011.** Підкурғанні поховання некрополів хори Ольвії VI – V ст. до н.е. // Археологія. №1.
- Снытко И.А., Липавский С.А. 1989.** Исследования Южного и Северного некрополей у с. Прибугское // Проблемы скифо-сарматской археологии. Запорожье.
- Снытко И.А., Липавский С.А. 1990.** Античные сельские некрополи VI – V вв. до н.э. в Нижнем Побужье // Древнее Причерноморье: Материалы I Всесоюзных чтений памяти профессора П.О. Карышковского. Одесса.
- Социальная структура ранних кочевников Евразии: монография. 2005.** Иркутск:
- Субботин Л.В., Охотников С.Б. 1981.** Скифские погребения Нижнего Поднестровья // Древности Северо-западного Причерноморья. К.
- Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. 1992.** Скифские древности Днестро-Дунайсколго междуречья. Одесса.
- Черненко Є.В. 1970.** Скіфські кургани V ст. до н.е. поблизу м. Жданова // Археологія. Т.ХХІІІ.
- Шауб И.Ю. 2007.** Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII – IV вв. до н.э.). СПб.
- Шрамко Б.А. 1973.** Точильні знаряддя скіфської доби // Археологія. №11. С.43-48.
- Шульга П.И. 1999.** Жреческие парные захоронения с зеркалами-погремушками (к постановке проблемы) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии № 4. Горно-Алтайск.
- Яблонский Л.Т. 1996.** Саки Южного Приаралья. М.
- Яковенко Е.В. 1974.** Скифы сѣднѣного Криму в V – III ст. до н.е. К.
- Яковенко Э.В., Черненко Е.В., Корпусова В.Н. 1970.** Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы). К.
- Chochorowski J. 1985.** Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde. Warszawa – Krakow.
- Kroustalis E., Tsaravopoulos A. 2008.** The Late Classical cemetery of the Ayios Dionysios rail station in Piraeus // Funerary Practices of the Bronze and Iron Ages in Central and South-Eastern Europe. Proceedings of the 10th International Colloquium of Funerary Archaeology, Tulcea, 10th-12th of October 2008. Braila – Brasov.
- Nagler A. 2001.** Über Mülsteine in den Gräbern der eurasischen Steppe // Lux orientis. Archäologie zwischen Asien und Europa. Festschrift für Harald Hauptmann. Internationale Archäologie. Studia honoraria. Band 12.
- Petersen. J.H. 2010.** Cultural Interactions and Social Strategies on the Pontic Shores. Burial Customs in the Northern Black Sea Area c.550-270 BC // Black Sea Studies. 12. Aarhus.
- Skory S. 1998.** On the Time and Character of Early Penetration of the Scythian Culture Carriers to Dobrogea // The Scythians and Their Expansion into the Western Black Sea Territory. International Colloquium. Tulcea.
- Teleaga E., Zirra V. 2003.** Die Nekropole des 6. – 1. Jhs. v. Chr. von Istria Bent bei Histria; Archäologische Untersuchungen zur Bevölkerung in der westlichen Schwarzmeerregion // Internationale Archaeologie. Band 83. Leidorf.

SUMMARY

The period of the second half of 6th – the beginning of 5th centuries BC was a «transition one» in the history of European Scythians. It was a period of becoming of «Classical Scythia», of transformation of the culture of Pontic nomads, related to the appearance of new nomadic groups from the East. It is possible to designate one hypothetical marker of this «transitional» nomadic wave— cruciform plates with zoomorphic compositions.

«New» Scythians of the first wave (the second half of 6th century BC) were divided: one part went away westward, the other remained in the Black Sea region and was «built in» the tribal hierarchical structure, which had been formed in the region. «Old Scythia» already was not able to control all of territory, but the dynasty of the earlier period remained ahead at least until the fin of 6th century BC.

The «headquarters» of newcomers settled in the Dnieper Left-Bank forest-steppe, and some nomad groups stayed in the Steppe, in particular, in the Lower Bug area and the Lower Dniester one. The author supposes that the «new» Scythians of the first wave resided in the localities of the Greek colonies of Northwestern Black Sea coast. It is possible that the recent investigated graves on the East Bank of Lower Dniester have been made by nomads allied with Nikonion (as the early tumulus cemetery in the territory of Olbiopoleis — by nomads allied with Olbia).

Approximately, in the second quarter of the 5th century, the situation was changed. New nomadic groups arrived to in the North Black Sea region. The former tribal structure was finally destroyed. A new page in the history of the North Black Sea region is related to the Ariapeithes' dynasty, to Herodotus' Scythia.

